

Сценарий собственных ошибок

Автор:

Олег Рой

Сценарий собственных ошибок

Олег Юрьевич Рой

Баннер «Увидеть свою смерть – и остаться в живых» заставил замереть. На экран компьютера напозла черная полоса с информацией. Некий человек предлагает очень состоятельным людям особую услугу – фильм, в котором отразятся все значимые события из жизни от рождения до смерти. Сценарист утверждает, что умеет «считывать» судьбу: достаточно узнать о прошлом и настоящем, и ее алгебраическая формула готова. Не преминул воспользоваться этой услугой Игорь. Но разве мог он подумать, что собственное прошлое поразит его не меньше, чем будущее!

Олег Рой

Сценарий собственных ошибок

* * *

Роман «Сценарий собственных ошибок» – неожиданное явление на ниве современной отечественной словесности. Это роман-эксперимент в духе Стивена Кинга. Мистическое начало в произведении тонко сочетается с притчей, остросюжетность – с психологизмом. Этот текст Олега Роя один из самых кинематографичных. Читаешь его, словно фильм смотришь! Он поражает

выстроенностью мизансцен, диалогов, световых решений, мастерством детали, как и новое, еще не опубликованное сочинение автора – «Старьевщица», за которым уже выстроилась очередь на экранизацию. Все романы, созданные Роем до недавнего времени, рассказывали о судьбе, которая дарит шанс на счастье, и о человеке, который находит в себе смелость этот шанс не упустить. «Сценарий собственных ошибок» – совсем другая история. Она – о цене, которую человек должен заплатить за то, что неправильно воспользовался случаем, предоставленным блюстительной судьбой. О человеческой неблагодарности и своекорыстии фортуны. Роман пробирает до мурашек.

Александр Иншаков

Сценарий собственных ошибок

Памяти моего сына

Женечки

посвящается

Часть I

Кладбищенские вороны

«Мне это не снится, – мысленно повторял Игорь, стараясь не закапать одежду воском свечи. – Андрюха действительно умер. И сейчас мы его хороним».

Со словом «смерть» у людей обычно связаны одни и те же стереотипные ассоциации: либо трагедия, безутешное горе родственников, запоздалое раскаяние знакомых, которые лишь сейчас поняли, кого потеряли; либо некая мрачная романтика, с легким налетом мистики. Угрюмая красота и

торжественность похоронных обрядов, вычурность кладбищ, этих загадочных и пугающих ворот между нашим, привычным, и тем миром, лежащий в гробу покойник, который еще недавно был живым – разговаривал, чувствовал, смеялся, страдал, и вдруг... Вдруг приобщился к таинственной и жутковатой истине, которую каждому из оставшихся еще только предстоит познать.

Многим смерть, весь антураж вокруг нее кажутся даже привлекательными. Например, художникам, поэтам, писателям. Или готам, таким как дочь Игоря Алина, которая стояла сейчас рядом, такая взрослая, вопреки своим четырнадцати, истово сжимала тонкую восковую свечу и восторженно моргала страшноватыми, жирно обведенными черным карандашом глазищами.

Возможно, Алине эти первые в ее жизни похороны казались чем-то интересным или величественным. Но Игорь Гаренков не испытывал не только благоговения, но, как ни странно, и скорби. Он ощущал только одно – раздражение. Его бесило все происходящее. И священник с востренькой бородкой и франтовато подкрученными светлыми усиками, который частил непонятную церковнославянщину, явно стремясь поскорее отделаться от панихиды. И вдова – несмотря на синеватую отечность глаз, к которым постоянно прикладывался платочек, Марина выглядела слишком изысканно и элегантно в траурном наряде от модного кутюрье. А собственная жена Инна, прижимаясь к нему, бдительно несла вахту, отслеживая всех женщин моложе и красивее себя, появившихся в поле зрения супруга. И он сам – сорокалетний лысеющий глава и владелец солидной фирмы, который в скорбную минуту способен следить за тем, чтобы не закапать свечным воском рукав новой куртки за десять штук баксов. И вот эти бывшие сотрудники Андрея, которые потупляли взоры, усердно делая вид, будто понимают по-церковнославянски, а на самом деле, должно быть, думали только об одном: сколько бабла это стоило? Какую сумму родственники, желавшие, чтобы все было, как положено, сунули священнику, дабы он согласился отпеть самоубийцу?

Вот отчего для Игоря – и наверняка не только для него – эти похороны были лишены величия и благостности. Человек, который уходит из жизни по собственной воле, оставляет после себя какой-то хаос, внося разлад в души тех, кто его окружал. Не получается полноценно горевать по тому, кто наложил на себя руки, особенно без объяснения причин. Все равно сквозь скорбь пробиваются недоуменные вопросы: почему он это сделал? Сколько в его жизни было такого, о чем мы не знали – и теперь уже не узнаем? И еще – гаденькое опасение: как это отразится на нас? Будто самоубийство – симптом болезни,

которой можно заразиться...

«Такой молодой!» – слышался из толпы бабский вздох. И правда, Андрюхе до старости пахать и пахать было. А в гробу, окруженном венками и пышными букетами, на белой подушке, его лицо выглядело не просто неузнаваемым, а лет на двадцать моложе истинного возраста. Белое, гладкое, словно туго натянутое покрывало на постели, без единой знакомой морщинки. Это надо ж было так загримировать!

И сразу мелькала дурнотная, мерзостная мыслишка: а каково сейчас его настоящее, незагримированное лицо? Лицо висельника... Андрей покончил с собой, установили судмедэксперты, ранним утром, между тремя и четырьмя часами. И еще пять часов висел в петле. Свисал с крюка, откуда перед этим снял люстру. Снял аккуратно, грамотно – навыки обращения с электричеством еще в провинциальной юности приобрел... Что случилось у него с лицом? Насколько сильно оказались растянуты позвонки? Не был ли он в петле похож на ошипанную курицу – с жалкой тощей шеей, с отчетливо наметившимся после тридцати пяти брюшком?

Капля воска шмякнулась – нет, не на рукав, на каменный пол. Ее падение словно разбудило Игоря: он собрался с духом, постаравшись не думать о всяких трупных пакостях. Вместо того чтобы изучать лицо мертвого, снова стал смотреть на живых.

Вон по другую сторону гроба Миша Парамонов и Володя Сигачев. Друзья, ровесники, почти братья... Так они ощущали себя в провинциальном Озерске, откуда выбрались в большое московское плавание. И доплыли-таки кое-куда! Володя – известный в профессиональных кругах архитектор, Миша – популярный журналист. Игорь на жизнь и доходы тоже не жалуется. Андрюха... и у него все было благополучно. Особенно после того, как он более чем удачно женился. Отец Марины – крупный партработник, во время перестройки урвавший свой клочок народно-хозяйственной собственности и срочно перекрасившийся в бизнесмены – всячески помогал семье любимой дочери. В общем, четыре друга...

Они не могли пожаловаться на то, что Москва им чего-то недодала.

Теперь уже три...

Панихида закончилась. Не то чтобы Игорь настолько разобрался в тонкостях церковной службы – просто уловил момент, когда священник прекратил свои малопонятные упоминания Господа, Царствия Небесного и прочих вещей, о которых весь жизненный опыт Игоря не мог дать никакого представления – и он был твердо уверен, что и у других этого представления нет. Разве способен человек знать, что ждет нас за гранью жизни? Есть только одна реальность – твердая, как этот гроб, который Игорь подхватил за бронзовую ручку, прежде чем взгромоздить его правый передний угол себе на плечо. От неожиданной тяжести едва не крикнул. Неужели правда, что в покойниках прибавляется веса? Или настолько тянут лишь горе и подозрительность? Да нет, чушь собачья, просто Игорь себя запустил, давно не посещал тренажерный зал. А все равно не по себе. Как-то запредельно, уныло не по себе. Точно эта тяжесть гроба равнялась весу могильного камня, под которым каждому придется лежать в конце-то концов.

Игорь не мог сказать, почувствовали ли Миша и Володя то же самое, что и он. Знал только, что у них, в общем, довольно-таки бодро получилось взвалить гроб на плечи. Четвертый угол придерживал Андрюхин зам, которому теперь предстояло занять его место в фирме. В первый момент к ним метнулся было Стас, сын Андрея и Марины, но его удержали – оказывается, родственникам нести гроб не положено. И мальчик остался рядом с матерью. Худенький, черноволосый, словно нарисованный тонким пером, Стас то и дело принимался без стеснения плакать. В отличие от Марины, он не позировал в своем горе, он действительно горевал. И Алине, его ровеснице, которая незаметно переместилась поближе к Стасу, явно нравилось служить ему опорой и утешением.

Из затемненного чрева церкви процессия двинулась на выход, к солнечному свету – ослепительному и бескомпромиссному. Игорь, который шел впереди, зажмурился. На миг сверкнуло в глаза протяженное заснеженное пространство. Девственно-чистый снег. Голые черные деревья. Разрытая могила. Вороны, кружащие над ней. И свет – этот белоснежный зимний свет сквозь все и на всем...

Проморгавшись, Игорь установил, что он не спятил, что никакого снега в помине нет. Весна в этом году выдалась ранняя и дружная, кладбищенские деревья уже

окутались зеленоватым маревом нарождающихся листьев. А могила – могила, естественно, не может быть рядом с порогом церкви. Чтобы транспортировать гроб на участок, приготовленный для захоронения, его поставили на специальную тележку.

– Игоряш, ты чего? – шепотом спросил Миша, ощутивший минутное замешательство друга. Как всякий литератор, Михаил был чуток к проявлению эмоций.

– Так... – выкладывать сейчас свое видение было бы неуместно. – Свет слишком яркий.

Да, слишком яркий свет. Слишком молодой покойник. Слишком громкий – бесстыдно громкий – шепот там и тут: «До сих пор поверить не могу!» «Такой молодой, ему ведь только-только сорок исполнилось!» «И чего ему не хватало? Ведь у него все было о'кей – деньги, бизнес, отличная семья, красивая любовница...» «Кстати, вон она!»

Услышав последнюю фразу, Игорь не смог удержаться. Обернулся, посмотрел в указанном направлении. И удивился. Это – любовница? Неужели? От любовницы Андрюхи он ожидал чего-то гламурного – холеного, сверхэлегантного, в духе Марины, только более молодого и яркого. А тут – всего лишь навсего полноватая девушка в неброском черном платье, которая прижимает букет белых и алых георгинов к груди. Грудь, кстати, потрясающая – высокая, чашеобразной формы, налитая... И милое, круглое, большеглазое лицо в обрамлении черной кружевной косынки. Но в остальном – ничего выдающегося. Не фотомодель, одета скромно. Держась поодаль от траурной процессии, любовница Андрея тихо плакала, не утирая слез, которые так простодушно, по-детски стекая по щекам, капали с подбородка. К ней подошел Володя, тихо о чем-то заговорил, как со старой знакомой. Игорь наблюдал за ними издали, мельком: неудобно, а то еще подумают, что он подслушивает чужой разговор. На самом-то деле, он не подслушивал... Почти. То есть ему и хотелось бы что-то услышать, но Володя с девушкой были далеко и говорили слишком тихо. Единственное, что достигло ушей Игоря, – это то, что друг назвал собеседницу Дуней.

Процессия остановилась около нужного места. Посреди памятников и крестов выделялся пустующий участок на четыре захоронения. Вернее, уже не пустующий – слева, словно бы начиная ряд, выкопана свежая могила. Ее отверстая пасть казалась слишком темной, зияла чернотой и неизвестностью.

Словно таила в себе ответы на вопросы о смерти, которые тщетно задают люди.

Все подошли проститься с покойным. Дуня сделала это последней, тревожно оглядываясь, точно боясь, что родные Андрея откажут ей в такой малости. Но никто Дуню не остановил, никто не помешал ей запечатлеть последний поцелуй на пересекающем заgrimированный лоб белом венчике с черными православными крестами. Гроб заколотили и на длинных веревках опустили в могилу. Каждый бросил сверху горсть земли. Комья ее – стылые, будто еще зимние – сиротливо стучали о темно-коричневую крышку.

– Закапываем, – махнул рукой своим подчиненным бригадир могильщиков.

* * *

Из прошлого

В отличие от Миши и Володи, с детства блиставшими талантами, у Игоря Гаренкова не было ни выраженных способностей, ни определенных склонностей к чему-то одному. Но это не значило, что он рос примитивным или недалеким, совсем наоборот! С мозгами у него, по единодушному мнению учителей, все было в порядке, учеба давалась настолько легко, что даже шаткое финансовое положение семьи и постоянная домашняя война с матерью не помешали окончить школу с пятерочным аттестатом. Однако дальнейший путь виделся смутно. Единственное, чего хотелось наверняка – вырваться из провинциального города, этого «озерского убожества», как говорили они с друзьями. Игоря влекла интересная, яркая, обеспеченная жизнь, знакомая по фильмам и книгам... Но каким способом достигнуть благополучия? Чем зарабатывать и вообще – чем заняться? Больше всего на свете Игорю нравилось читать, преимущественно историческую литературу, и не только романы, но и серьезные научные труды. А раз так, не пойти ли ему учиться на историка? В МГУ, конечно, не попадешь, но можно попробовать в историко-архивный – чем черт не шутит?

Суровая проза жизни внесла свои коррективы. Приехав с друзьями в Москву, Игорь провалил вступительные экзамены и год работал дворником, потому что

дворникам выделяли служебное жилье. Эта несложная, хотя и тяжелая профессия оставляла немало времени для размышлений. Ранним утром, когда улицы были тихи, прозрачны и безмолвны, Игорь подметал на своем участке опавшие листья и думал о том, что к истории его сейчас совершенно не тянет, а значит, это нельзя назвать его истинным призванием. Не то, что у Инки! С этой москвичкой Игорь познакомился во время поступления и всерьез запал на нее. Да, его багажа знаний хватает, чтобы болтать и спорить с Инкой – но она живет и дышит историей. А его сильнее волнуют аккуратные Инкины грудь и попа, чем все тома Карамзина и Соловьева вместе взятые. А раз так, зачем возобновлять неудачную попытку поступления в вуз, по окончании которого будешь глотать архивную пыль, жалея о совершенной ошибке? Лучше выбрать любой другой институт. Без призвания, наугад, на ощупь. Главное – поступить. Зацепиться в столице. Желательно – жениться на Инке. Такова программа-минимум.

Вот таким образом Игорева судьба совершила разворот на сто восемьдесят градусов. Из гуманитария он превратился в технаря: реальная профессия инженера оказалась ему милей эфемерной специальности историка, занимающегося людьми, прах которых давно рассыпался. По крайней мере, тяжелое машиностроение – специальность востребованная.

Получение диплома пришлось на те веселые времена, когда СССР еще не распался, но потерял значительную долю своих строгостей. Распределения, впрочем, никто не отменял, и свежее испеченный инженер Гаренков очутился на подмосковном заводе, изготавливающем мини-трактора для подсобных хозяйств. Наименование «мини» было скорее данью западной моде, чем имело реальное отношение к объекту. Продукция завода, как все, изготавливаемое по советским стандартам, отличалась громоздкостью и большим весом. К тому же она часто ломалась.

И, тем не менее, трактора покупали. Ведь ничего другого не было. Более того, в последующие годы, когда вся промышленность встала, завод сбывал свою продукцию бойчей прежнего. Как ему это удавалось? Ежегодно администрация обзванивала клиентов, которые приобрели их трактора в прошлые годы, и спрашивала, не хотели бы они их продать. Владельцев мини-чудовищ, желающих с ними расстаться, находилось немало: хватит, намучились! На заводе трактора ремонтировали, заменяли утерянные детали, красили-лакировали для придания товарного вида – и продавали следующим клиентам. Учитывая размеры инфляции, такого рода деятельность позволяла заводу

оставаться на плаву.

Инженер Гаренков по этому поводу напомнил сослуживцам старый анекдот о крестьянине, который посадил ведро картошки. По осени ведро картошки и собрал – и вздохнул с облегчением: «Вот хорошо, ни одной не пропало!»

– А что ж, плохо, что ли? – ответили ему.

– По сравнению с тем, если бы все пропало, неплохо, но ведь дурость – она дурость и есть.

– Почему это – дурость?

– Потому же, почему и в анекдоте. Только дураки способны радоваться, что остались при своих. Нормальные люди радуются, когда их работа приносит прибыль.

– А тебе-то что, больше всех надо?

Да, Игорь Гаренков относился к породе людей, которым вечно больше всех надо. Так уж повелось, что они ищут приключений на свои задницы – но иногда находят острова сокровищ.

Если торговля уже начата – почему бы не развернуть ее? Почему бы не торговать в придачу к тракторам – уродливым детям советской промышленности – сопутствующими товарами? Такими, как сами запчасти, ветошь для протирки деталей, хозяйственные перчатки, комбинезоны, брезент, резиновые сапоги... А для этого создать на базе завода кооператив.

Кооперативное движение тогда еще находилось у истока. Начальство жалось и пыхтело: по укоренившейся советской привычке, сильнее всех неприятностей оно боялось перемен. Едва ли не больший ужас вселял энтузиазм подчиненных. Однако Игорь, создавший инициативную группу, не отставал, и директору постепенно пришлось сдаться.

В правоте Гаренкова директор убедился года этак через два. Торговля развернулась по всей стране. Торговали чем угодно: от военных разработок до

американского секонд-хенда. Однако кооператив «Вымпел», преобразовавшийся постепенно в крупную фирму, рано начал и благодаря этому захватил лидирующие позиции. Которыми, впрочем, бывший директор завода любовался издали – из идиллических краев, именуемых пенсией. Завод закономерно подгрел под себя бывший скромный инженер Гаренков...

Игорь Сергеевич Гаренков мог поздравить себя с потрясающей чуткостью к веяниям времени. Это позволяло ему бежать впереди шумно гроыхающего, но не слишком высокоскоростного поезда российской экономики. Игорь начал развивать легальную торговлю, когда этим занимались единицы. Когда же поветрие торговли охватило всю страну и бывшая одна шестая часть суши пошла вразнос, Гаренков сказал себе: хватит, пора вернуться к производству.

На деньги, заработанные от торговли, он полностью переоборудовал «Вымпел», где начали производить настоящие мини-трактора по норвежской лицензии. А потом настала очередь для промышленного концерна, стартовало производство и собственной продукции по отечественным ноу-хау. Игорь давно перестал быть инженером, превратившись исключительно в менеджера высшего звена, однако не растерял вкуса к инженерному мышлению и способен был оценить красоту технической мысли. Ведущих специалистов он подбирал сам, процесс производства контролировал лично. И вскоре им удалось заключить очень прибыльный контракт с Китаем на поставку концернового детища, комбайна «Зерно-М», потребляющего рекордно мало топлива.

Игорь начинал подумывать о том, что, если так пойдет дело, недалеко и до какой-нибудь правительственной награды. Ордена «За заслуги перед Отечеством» или чего-нибудь в этом роде. Ну, даже если этого не произойдет, он не слишком огорчится. Игорь Сергеевич Гаренков – не любитель почестей. Для него главное – чтобы прибыль от его работы поступала в его и государственный карманы.

Одним словом, судьба подарила пареньку из провинциального Озерска больше, чем обещала в самых смелых мечтах. Оглядываясь на свою жизнь, Игорь видел позади путь в высшей степени достойного человека. Без связей с криминалом и разворовывания нефтегазовых богатств страны, он сумел добиться высокого положения. Пусть не самого высокого, но так оно, пожалуй, безопасней. Зато он тот самый российский производитель, о котором столько говорят. Он способствует повышению благосостояния и престижа своей страны, дает работу многим достойным и талантливым людям. В общем, пример для подражания.

Инне и Алине есть кем гордиться. Если не обращать внимания на мелочи, вроде уклонения от налогов в не слишком крупных масштабах и кратковременных любовных интрижек, то в целом Игорь Сергеевич Гаренков полагал себя в высшей степени достойным членом общества. И разве он не имел на это права?

* * *

Все-таки на кладбище царит губительная атмосфера... Игорь вдруг почувствовал, насколько он устал. Не физически – что для него, сильного, молодого еще мужика короткий вынос гроба? Нет-нет, он вдруг ощутил, насколько измотали его все эти переживания по поводу самоубийства друга, весь этот клубок отношений, который оставил после себя покойный.

Людей, собравшихся на похоронах, Игорь всегда считал близкими, но сейчас рядом с ними ему не хватало воздуха. И он инстинктивно отодвинулся подальше от траурных нарядов ценой в десятки тысяч баксов, от скорби напоказ, от подозрительности и себялюбия.

Ему послышалось пронзительное воронье карканье. Игорь посмотрел в сторону на пустую аллею, уходящую вдаль кладбища, потом оглянулся вокруг – ворон нигде не видно. Что за черт? Вновь бросив взгляд на аллею, он обнаружил, что она уже не пуста. Вдалеке появился чей-то силуэт, показавшийся смутно знакомым. Человек приближался, двигаясь не по дорожке, а сбоку, вдоль самых оград, ступал принужденно, с трудом, подволакивая правую ногу и скашиваясь на один бок. Когда он приблизился, стало заметно, как бедно он одет. Его рваные кроссовки, штаны с лампасами от спортивного костюма, коричневый потертый пиджак в мелкую клетку с грубоватыми заплатами на локтях резко контрастировали с респектабельным обликом участников VIP-похорон. Словно сознавая свою неуместность здесь, мужчина остановился в стороне.

«Кладбищенский нищий, наверное... – мелькнуло в голове у Игоря. – Сейчас начнет приставать ко всем, клянчить денег «на помин усопшего». Надо сказать охране, чтоб прогнали. Вообще-то могли бы и сами уже догадаться...»

Однако секьюрити почему-то не торопились удалить чужеродный элемент. Наверное, потому, что похожий на бомжа человек вел себя не как попрошайка, а как человек, пришедший на похороны знакомого. Спокойно стоял, замерев и сохраняя на лице приличествующее ситуации выражение, и сжимал в руке

цветы – две жалкие гвоздички. Против воли Игорь не мог отвести от него взгляда, продолжал в упор таращиться на странного пришельца, выходца из мира, который давненько не приходилось посещать. Мира, который простирается за пределами стен респектабельных офисов и машин с тонированными стеклами. Что-то до боли знакомое чудилось в облике инвалида – что-то искаженное, но не забытое... Не погребенное в прошлом... Или наоборот – погребенное, но свежееоткопавшееся... Черт возьми, да это же...

– Сашка! – это имя вырвалось у Игоря раньше, чем он успел подумать: «Не может быть!» – Брызгалов! – Игорь повернулся к Мише. – Смотри, кто здесь! Сашка!

– Где? Я что-то не вижу, – отозвался Миша, крутя головой.

– Да вон же, вон у той могилы! Побудь тут, с Мариной, ладно?

Оставив вдову и сына покойного, Игорь поспешил туда, где все так же скромно, не претендуя на внимание, стоял человек в рваных кроссовках и клетчатом пиджаке. Вся его поза говорила, что жизнь для таких, как он – не более чем смиренное ожидание.

Раньше он не был таким. Он был бойким, стремительным, с задорным чубчиком, который, как его ни приглаживай, вечно вставал надо лбом, как петушиный гребень. Заражал людей своим оптимизмом, своей уверенностью в том, что все в конце концов будет хорошо...

– Сашка, глазам своим не верю, ты?

– Надо же, узнал! – без улыбки произнес Саша. – Думал, вы уж за эти годы забыли, как я выгляжу.

Игорь слегка смутился:

– Ну что ты, как можно! Кстати, выглядишь отлично: все такой же молодой. Ни живота, ни морщин, ни седины, не то что у нас... Слушай, я так рад тебя видеть! – Игорь распростер для друга объятия, но тот отстранился. – Какой же ты молодец, что приехал! Как ты?

- Как видишь... - усмехнулся Саша.

Игоря все больше смущала эта манера бывшего... то есть старого друга. Никакой ритуальной вежливости, способной если не отменить, то затушевать печальные факты, прервавшие много лет назад их общение. «Что было, то было, - как бы говорил Саша. - И не стоит нам делать вид, будто этого не было».

- Но как же так, столько лет... Мы ничего даже не слышали о тебе!

- Кто ж в этом виноват? - снова усмехнулся Саша с грубоватой непосредственностью. И Игорю не захотелось продолжать тему.

- Никто из нас не может понять, с чего Андрюха вдруг повесился... - перевел он разговор на другой, также болезненный предмет.

- Теперь уж и не узнаешь... - уклончиво сказал Саша, поднимая глаза к небу.

Могильщики тем временем закончили работу, и все потянулись аккуратной процессией класть цветы на могилу. Саша тоже пристроил свои гвоздики - сбоку, у самой земли, как бы стараясь скрыть их затрапезный вид.

Игорь следовал за ним. Пусть Саша не проявлял тяги к общению, он не мог вот так оставить внезапно объявившегося через столько лет друга:

- Сашка, нам о стольком надо поговорить... Давай, когда поедем с кладбища, ты сядешь ко мне в машину?

Тот покачал головой:

- Нет уж, я на поминки не пойду. - И дурашливо, почти глумливо, показал на свой костюм. - Куда я в таком виде?

- Но как же так? Так прямо и уйдешь? - продолжал настаивать Игорь. - Ты хоть где остановился-то, как тебя найти?

- Тут недалеко кабак есть, - Саша выудил откуда-то из недр клетчатого старомодного пиджака прямоугольный клочок бумаги. - Я буду там завтра

вечером. Приезжай – поговорим.

Мельком взглянув на визитку и отметив, что название ресторана ему незнакомо, Игорь спрятал визитку в карман куртки и долго смотрел вслед удаляющемуся по аллее другу, не заметив, как к нему приблизилась Инна. Подошла сбоку, окинула мужа тревожно-испытующим взглядом.

Игорь напрягся. Не потому, что ожидал от жены чего-то плохого. Просто в последнее время это было его постоянной, физиологической, ниже уровня сознания, реакцией на Инну. На модную челочку ее короткой стрижки, гелевыми темными иглами утыкающуюся в оправу изящных прямоугольных очков. На ее тонкие и бледные губы, с которых она постоянно слизывала помаду. На ее красивый, с безукоризненной дикцией – след оставленной профессии – голос.

– Ты чего тут торчишь? – спросила Инна тем самым красивым голосом, отчетливо выговаривая слова.

– Да я тут... с Сашкой... – вот ведь, ничего плохого не сделал, а чувство, будто он мальчик, который оправдывается перед строгой учительницей. Да, что и говорить, училка остается училкой до конца дней своих!

– С какой еще Сашкой? – Инна бдительно завертела головой.

– Не с «какой», а с «каким». Слушай, Инна, это уже неприлично! Перестань меня изводить своей дурацкой ревностью хотя бы на похоронах!

Инна продолжала недоверчиво смотреть по сторонам:

– Ну и где твой Сашка?

Игорь тоже оглянулся, но никого не увидел. Очевидно, инвалидность не лишила Сашу способности к быстроте передвижения. Да, правильно, ведь раньше, до травмы, он вечно не ходил, а бегал. Такой живчик был...

– Он уже ушел. Я тебе рассказывал о нем. Наш пятый друг. Точнее, он всегда был первый... Впрочем, неважно.

Обрывая тягостный разговор, Игорь снова отошел к могиле. Народ потихоньку рассасывался, траурное море мелело. Вскоре Игорь остался один. Он стоял, глядя на фотографию улыбающегося Андрея, которую водрузили поверх свеженасыпанного холмика, и мучительно подыскивал слова, которыми должен был попрощаться с другом. В голову лезла какая-то ерунда, какие-то отдельные, словно кадры клипа, воспоминания. Вот они в Озерске гоняют по пустырю грязный потертый мяч... Вот они, все впятером, собираются в Москву: Сашка полон энтузиазма, а вот Андрей осторожничает... Их первые московские годы, когда они жили кто где, в общежитиях и чужих квартирах, хватались за каждую подработку... Разве это выразить словами? Да и при чем тут слова?

– Прости меня, Андрюха! – наконец подыскал Игорь нужную фразу. – Если б я только поговорил тогда с тобой, все могло бы быть иначе...

Сзади подошла Алина. Взяла отца под руку, прижалась к плечу. Он погладил дочь по голове, обнял, откликаясь на уже такое взрослое проявление внимания от той, кто навсегда останется для него ребенком. Его забавной девочкой, его умной девочкой, его грустной девочкой, его пронцательной девочкой... Если с Инной Игорь в последнее время чувствовал дискомфорт, на Алину это не распространялось. С ней он был откровеннее, чем с женой, ощущая, что, несмотря на отсутствие жизненного опыта, Алина многие вещи понимает вернее, чем Инна. Несмотря на отсутствие опыта – а может, благодаря? Что, если этот хваленый опыт делает человека хуже?

– Знаешь, Алина, когда нам было столько лет, сколько тебе сейчас, Андрюха и еще один наш друг, Сашка, где-то вычитали, что место на хорошем кладбище – очень выгодное вложение денег. И так носились с этой идеей... Андрюха, как только появились средства, первым делом вот эти четыре места купил. Но тогда нам все это казалось шуткой, игрой... И в голову не могло прийти, что он так скоро окажется здесь!..

Алина прищурилась, оценивая обстановку:

– А что? Тут неплохо. Я тоже не против, чтоб меня тут похоронили.

– Алинка, ну что ты такое говоришь! – Игорь был на волосок от возмущения.

– А что особенного? Все там будем. И потом, смерть – это готично.

– Дурачки вы маленькие! – Игорь знал, что втягивается в продолжение их давнего спора, но удержаться от реплики не мог. – Играете в эту вашу готику: могилы, кресты, черепа...

– А что такого? – привычно парировала Алина.

– То, что можно доиграться! Смерть – это такая штука... то есть не такая штука, чтобы с ней можно было шутить! Примета, говорят, нехорошая: накликать можно...

– Папка, ну ты у меня как маленький! – улыбнулась взрослая умная Алина, вращая на указательном пальце серебряное, протравленное чернью, кольцо. – Конкуренентов по бизнесу не боишься, а могил испугался.

Игорь невольно вздрогнул. То, что он попытался скрыть сам от себя, дочь сумела уловить и определить одним точным словом. Ему действительно было страшно. Он боялся. И Андрюхиной могилы, и своего непонятного видения при выходе из церкви, и даже почему-то неожиданного появления Сашки. Все это испугало, но признаваться в том не хотелось. Не только Алинке, даже себе.

– Да ну тебя, – Игорь и впрямь готов был обидеться, как маленький. – Лучше пойдем отсюда, все уже в машинах сидят, нас ждут.

– Па-ап!.. – заглянула в глаза Алина, вмиг превращаясь снова из взрослой девушки в избалованную девочку. – А можно я в другой машине поеду?

– Со Стасом, что ли? – просек ситуацию Игорь.

– Ну да-а... – протянула дочь.

Игорь не стал ничего уточнять, а тем более иронизировать. Подростковые влюбленности – тема столь эфемерная и болезненная, что взрослым в нее вмешиваться ни к чему.

– Конечно, поезжай. Поддержи парня, ему сейчас очень тяжело, он отца потерял...

Перед уходом Игорь бросил последний взгляд на фотографию в траурной рамке.

– Эх, Андрюха, Андрюха!.. – снова сказал он вполголоса. – Ну зачем, зачем ты это сделал? Почему? Может, если бы я тогда поговорил с тобой, ты бы мне все рассказал... Прости меня. Прости, если можешь.

Отдав последнюю дань покойному, все родные, друзья и сослуживцы Андрея покинули кладбище. Остался лишь участок, на котором еще были три пустых места.

* * *

Кортеж с кладбища приехал в загородный дом Федоровых – шикарный особняк, в котором стараниями подотчетных Марине домработниц и горничных поддерживалась средняя между Виндзорским дворцом и музеем «Эрмитаж» атмосфера. Гостей пригласили за роскошно накрытый стол. Белоснежное полотно скатерти, серебряные приборы, кузнецовский сервиз на двадцать четыре персоны, бокалы богемского стекла. Блюда, подошедшие бы и для дипломатического приема, несли отпечатки какой-то холодности: что-то официальное и глянцевое чудилось в них, словно стол был украшен муляжами еды. Возможно, это лишь предубеждение Игоря, который знал, что Марина не сумеет даже яйцо сварить вкрутую, и все, что есть на столе, приготовлено руками чужих людей, которые с Андреем и знакомы-то были едва ли. А возможно, накладывал отпечаток характер печального мероприятия, собравшего их всех за этим столом. Что ни говори, мысль о смерти – плохой стимулятор аппетита.

На видном месте, недалеко от стола, на отдельном маленьком столике стоял фотопортрет Андрея в черной рамке и с траурным крепом. Глаза Игоря то и дело обращались в ту сторону. Он видел, как официант поставил к фотографии хрустальную стопку с водкой и накрыл ее кусочком черного хлеба – дань обычаю, смысла которого Игорь никогда не понимал. Инна вроде толковала, что это пережитки анимистических первобытных верований, а ему было ни к чему, у него же тогда еще никто не умер... Но теперь понял, и холодок проскользнул по спине: это что же значит, мертвый Андрюха присутствует на своих поминках в лице траурного портрета – и вроде бы вместе с друзьями пьет и закусывает?

Вдруг – что это? – Игорь заметил, что официант, не довольствуясь одной рюмкой, поставил к портрету другую. Потом третью, четвертую, пятую – и накрыл каждую куском черного хлеба... Игорь резко вскочил, чтобы сделать замечание придурку, который на поминках вздумал так глупо шутить – и понял, что все это ему показалось. Рюмка у фотографии только одна. Вконец растерянный, он поскорее, чувствуя на себе удивленные взгляды гостей, опустил на свое место.

– Игоряха, ты что это? – обеспокоенно спросил Миша Парамонов, сидевший слева от него.

Игорь сконфуженно потер лоб:

– С глазами что-то.

– Мушки перед глазами? – увлеченно подхватил Миша. – Это первый признак давления. У меня, знаешь, тоже давление скакало, но я его обуздал. Взял себя в руки! Никаких бессонных ночей, никакого кофе. Алкоголя – в меру! Холодные обливания по утрам, бег трусцой. Ежегодно обследуюсь у лучших специалистов. Врачи говорят, если продолжу в том же духе, доживу, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, до ста лет. Я, знаешь, своевременно понял, что здоровье надо беречь, а то все спохватываются, когда припечет, а тогда уже поздно...

Игорь выслушивал его излияния вполуха. Известный журналист, довольно-таки привлекательный, хотя и низкорослый мужчина с рыжеватыми волосами и нервным остроносым лицом, Михаил Парамонов вот уже который год донимал друзей и сослуживцев всякими самодельными или вычитанными в специальной прессе рецептами сохранения здоровья. Эта страсть, необычная в человеке, которому едва перевалило за сорок, придавала Мише некое старообразие и иногда здорово раздражала Игоря. Особенно сейчас, когда поминали Андрея, отличавшегося, насколько известно, отменным здоровьем... Разве болезнь – это единственное несчастье, которое может стрястись с человеком?

Так что же все-таки стряслось с Андрюхой?

Игорь вдруг заметил, что Миша прекратил свою лекцию на тему здорового образа жизни и встал. Ага, значит, застолье открыто. И первый тост просят произнести журналиста Парамонова. Естественно – кто же лучше него владеет

словом?

Начал Миша издалека. Выразив общее соболезнование семье Андрея (Марина сидела, опустив мокрые глаза и скорбно скривив рот), совершил экскурс в биографию покойного.

– Когда Андрей приехал из маленького города Озерска, который трудно найти на карте нашей огромной родины – а тогда, во времена Советского Союза, она была еще огромней – у него не было ни гроша за душой, ни влиятельных московских друзей. Ничего, кроме желания реализовать себя...

Внезапно что-то произошло с Игорем, точно сознание накрыла властная непроглядная пелена. Весь сыр-бор поминок – перемены блюд, поминальные тосты, слезы вдовы, недоуменное шушуканье гостей – все это лишилось важности. Ни на кого больше не обращая внимания, никого не стесняясь, Игорь сидел, глядя в одну точку, и вспоминал, вспоминал...

Из прошлого: Озерск

Провинциальный Озерск, затерянный в Восточной Сибири... Деревянные бараки с удобствами на улице – ветхий дощатый туалет-скворечник и вода в колонке на углу. Двух- и пятиэтажные панельные дома с темными невообразимо грязными подъездами считаются элитным жильем, в их заросших бурьяном дворах сушится белье и целыми днями играет ребятня.

Они, пятеро друзей, малышowymi забавами давно уже не интересуются. Взрослые люди, девятый класс. Они сидят на пустыре за школой, подложив многострадальные истертые портфели под свои, тогда еще сухощавые задницы, и курят – жалкая примета провинциального взросления, вредная привычка, с которой придется потом так мучительно расставаться. Каждую сигарету докуривают до того, что обжигают пальцы – не такие у них доходы, чтобы бычки бросать. Сашка, который с пятого класса неоспоримо занимает пост лидера в их компании, говорит, обращаясь ко всем сразу:

– Не, ребят, думайте, что хотите, только нам с вами тут делать нечего. Какое у нас тут будущее? Армия, завод, а потом или тюрьма, или смерть от пьянки под забором. А мы ведь все способные. Мишка точно писателем будет, а Вовке прямая дорога в художники. Да и вы, Игорь с Андрюхой, не пальцем деланные. В общем, надо нам с вами в Москву ехать, учиться...

– Легко сказать – в Москву, – хмуро замечает веснушчатый Миха, от природы склонный к пессимизму. – Туда билет знаешь, сколько стоит? Где такие деньжищи взять?

– Где-где? На звезде, в борозде, на гвозде, – вертясь на месте, Сашка по обыкновению ерничает, дергая себя за кудрявый чубчик, но глаза его серьезные. – Заработать надо. Я уже все рассчитал. Будем разгружать вагоны, как раз к выпускному заработаем нужную сумму.

– Заработал один такой шустряк, – опровергает его Андрюха. – Да нас к вагонам близко не подпустят! Скажут: «Идите, клопы, учитесь, подрастите сначала...»

– А почему нет? – возражает Володя. – Смотря к кому подкатиться. Я с матерью потолкую...

Игорь в том историческом обсуждении не участвует. Сидит смиренно, курит, слушает, не присоединяя свой голос ни «за», ни «против». А когда на пустырь падает темнота, встает первым:

– Ладно, пойду я. Завтра геометрия, мне тройбан исправить надо.

– Чего ты? – удивляется Сашка. – Вместе пошли бы. Погоди, мы недолго уже...

Сашка с Игоряхой жили на одной лестничной площадке и всюду ходили вместе. Прямо-таки «мы с Тamarой ходим парой» – неразлейвода. Многие даже считали их братьями.

– Да я еще по дороге за хлебом забегу... В общем, бывайте.

Сашка, должно быть, решил, что Игоряхе надоел этот разговор, который ему до лампочки. Но все обстоит с точностью до наоборот. Опьяненный мечтами, Игорь

возвращается домой окольным путем, стараясь подольше удержать чарующую игру воображения. Бывают мечты, которыми не хочется делиться с друзьями. Даже с самыми близкими друзьями.

Ведь и вправду – как хотелось бы! Вот заработали денег, поехали в Москву... Там Игорь поступил бы в институт – хоть и говорят, что отличник из провинции не равняется московскому отличнику, программа-то одна и та же! Веселая студенческая жизнь, красивые, модно одетые девушки, небо с кремлевскими звездами, распахнутое чему-то новому, свежее, многообещающему...

Несбыточные мечты!

А такие ли они несбыточные? Наполеон тоже был родом из провинции, с Корсики, до конца жизни не отвык от итальянского акцента – а императором Франции стал! Что до Игоря, он генеральным секретарем КПСС становиться не хочет, у него планы куда скромнее: жить в Москве, а не в этой сраной дыре, зарабатывать честным трудом деньги, иметь уютную квартиру, красивую и умную жену... Неужели даже это не получится?

Но с другой стороны – как же страшно! Так, наверное, страшно становится птенцу от первого надтрескивания скорлупы. Здесь, дома, все такое надоевшее, зато привычное. А там, в Москве... Там же они никому не нужны! Только в песнях поется «молодым везде у нас дорога»; на самом деле Игоревы наблюдения показывают, что везде дорога – только тем молодым, у которых волосатая лапа наверху. Или очень богатенькие родители. А они-то – пятеро из глухомани – каким здесь боком? Никто, ничто и звать никак.

В Москву – оно бы хорошо бы... Но не придется ли возвращаться с позором? И тогда уже – тоска и досада на всю жизнь. Хуже, чем если бы не уезжал...

Как ни длинен выбранный Игорем окольный путь, все же кончается и он. Весь-то Озерск – городок невеликий... Вот Игорев родной подъезд. Надоевший, унылый, просверливший ему все нутро. На лестнице разит каким-то кислым мусором; лампочки на площадках почти не горят. Дверь открывает мать. В коридоре темно, и лица ее Игорь различить не может, но, наученный долгим и горьким опытом, безошибочно угадывает: снова. Три дня назад только обещала, но не выдержала. Сорвалась. Да когда же это кончится?!

– Игоречек мой, сыночка ненаглядный пришел, – лопочет мать заплетающимся языком.

Значит, все. Значит, прощай спокойный вечер с книгой, вблизи лампы, мягко сеющей свет сквозь зеленый абажур с коричневатым пятном, прожженным когда-то перекосившейся в патроне лампочкой. Прощай возможность подготовиться к геометрии – ну вот, завтра опять не напишет как следует контрольную, а это скажется на годовой оценке. Опять будут ее осточертевшие разговоры, невнятные похвалы сыну, такие же невнятные жалобы на то, как у нее все не сложилось и не задалось, что он ее единственная надежда и опора... Темный ужас. В таком состоянии она страшно любит поговорить. Вся сладость чтения, учебы, дружбы – да и вообще всего на свете – отравлена этим чудовищем в женском обличье, которое по какому-то вселенскому недоразумению оказалось его матерью.

Игорь понимает, что расскажи он кому-то о своих переживаниях, девять человек из десяти начали бы канифолить ему мозги: разве можно так отзываться о родной матери? Она же тебя родила, неблагодарный! А то, что с ней происходит, это просто болезнь...

Ну да, разумеется. Эти девять из десяти не побывали в Игоревой шкуре. Они не испытали на себе всю прелесть обитания бок о бок с такой «больной». Хотя, по мнению Игоря, никакая это не болезнь. Если человек заболевает гриппом, воспалением легких или даже раком – это не зависит от него. А как назвать того, кто сам себя гробит? Симулянтом? Или хуже? Ерунда, никакая это не болезнь. Распущенность, и все. Если бы по-настоящему захотела, давно прекратила бы...

В конце концов, Игорь не просил себя рожать! Сделала бы аборт – он и не узнал бы о том, что обязан вести мучительную жизнь по чьей-то минутной прихоти. Зачем надо было портить жизнь неродившемуся человеку? Материнство – не для таких, как она!

«Сашка стопроцентно прав – надо обязательно уезжать отсюда», – говорит себе Игорь...

* * *

Когда Игорь, разорвав пелену прошлого, очнулся от воспоминаний, он обнаружил, что застолье затянулось. Как обычно бывает в таких случаях, гости, все в разной степени опьянения, выходили из-за стола, бродили туда-сюда, пересаживались. Игорь тоже встал и подсел к Мише и Володе, которые тихонько разговаривали об Андрюхе.

- Видели? Сашка на кладбище был, - вклинился Игорь в их заупокойную беседу.

- Да ты что! Неужели приехал? - поразился Володя. - А где же он?

Владимир Сигачев - архитектор, обласканный призами на разнообразных конкурсах, неоднократно получавший заказы от правительства Москвы - был, наверное, самым компанейским человеком из всех, с кем когда-либо водил знакомство Игорь. Уж если бы Сашка повстречался ему, Володя бы его так не отпустил! Затащил бы на поминки, повез немедленно к себе в гости на своей машине, с которой он носит, как монгольский воин с любимой лошадью... А смысл? Неужели эти сиюминутные проявления внимания могли бы что-то возместить Саше? Все те годы, в течение которых его для них вроде как бы и не существовало?

- Не захотел он на поминки идти, - отрезал Игорь.

- Надо же! А я его не видел, - вклинился Миша. - Ну и как он? Как выглядит?

- Судя по всему, дела у него неважные. Одет так... Ну, фигово, в общем. А выглядит, пожалуй, даже хорошо. Молодо, не как мы. Ни пуза, ни залысин.

- Ну что ж он даже не подошел к нам, не поговорил? - продолжал удивляться Миша.

- А тебе зачем? Он же инвалид, - припечатал Игорь с неожиданным ожесточением. - А ты у нас такой фанат здорового образа жизни, что больных на дух не переносишь.

- А чего ты на меня взъелся? - оскорбленно вскинулся Миша.

- Потому что так вот и теряют друзей!

– Значит, он так и не оправился после того случая, – резюмировал Володя. – И, похоже, на нас здорово обиделся...

Игорь уже жалел, что так резко обошелся с Мишей, который из всех его друзей всегда был самым нервным, самым впечатлительным. «В самом деле, с чего это я на него взъелся?» – риторически вопрошал себя он, хотя отлично знал – с чего. Встреча с Сашей, вынырнувшим из прошлого, о котором Игорь и думать забыл, саднила, точно заноза под ногтем. Не то, чтобы она разбила вдребезги уверенность в собственной безупречности, с которой Игорь Гаренков успел уже срастись, но оставила на ее блестящей лакировке царапину. Вроде подумаешь, пустяки какие – но изделие с царапиной падает в цене. Им уже вроде не полюбишься...

* * *

Игорь думал, что после этого тягостного, насыщенного впечатлениями дня он не сможет заснуть – однако отрубился, едва лег в постель, не дожидаясь Инны, которая перед сном, по своему обыкновению, долго мазала лицо кремами, сидя в розовой ночной рубашке на пуфике перед туалетным столиком эпохи рококо. Голова у Игоря кружилась, словно его засасывал в свое крутящееся жерло черный водоворот. Он успел еще подумать, что изменил своим правилам – выпил на поминках больше, чем следовало, и завтра за это придется расплачиваться похмельем... А, ладно! Ну и пусть! Что такое головная боль на фоне Андрюхиной смерти? Он просто не способен смириться с тем, что его друг покончил с собой! Он обязан выяснить – хотя бы для себя – причины, которые привели его к этому страшному решению! Но это – завтра, завтра. А пока нужно поспать... поспать...

Однако полноценно поспать тоже не удалось. Игорю показалось, что он продремал в посталкогольном кружении всего минут десять, прежде чем его разбудил неприятно настойчивый звонок внутреннего телефона. Что еще там случилось? Посреди темноты на дисплее электронных часов, совмещенных с радиоприемником, полыхали цифры «03:08», доказывающие, что сон продолжался все-таки дольше, чем ему померещилось. Но какая дикая рань! Под боком недовольно заворочалась Инна. Игорь сердито откликнулся на вызов:

– Какого хрена?..

– Игорь Сергеевич, тысячу извинений, что побеспокоил! – Голос охранника звучал взволнованно и как-то удивленно. – Но тут ваши друзья, они говорят, что дело очень срочное...

Друзья?! Тьфу ты, да кого ж это черти принесли среди ночи? Пошатываясь и натыкаясь на мебель, которая всегда в подобные минуты, как нарочно, выставляет острые углы, Игорь нашарил в потемках на стуле халат и, кое-как запахнув, подвязал его поясом. Затем поплелся вниз, в небольшую комнату рядом с входом, где находились мониторы, сопряженные со всеми с видеокамерами – домашний пункт управления полетом, как шутили они с Алиной.

Видеокамера транслировала во весь экран лицо Марины. Неизвестно, было ли виновато черно-белое изображение или на то имелись объективные причины, но выглядела вдова хуже, чем на похоронах. Гораздо, гораздо хуже... У Игоря холодная струйка скользнула по спине от Марининых набрякших мешков под глазами, от ее съехавшего на сторону рта, окруженного трагическими складками. За те несколько часов, что они не виделись, вдова Андрея постарела лет на двадцать.

«Вот теперь она выглядит, как полагается», – сразила его шальная мысль.

– Марина, что... что случилось?

– Игорек, я тебя очень прошу, – голос у Марины срывался, – оденься и выйди. Надень что-нибудь самое простое, немаркое. Что-нибудь похуже, одним словом...

– Старик, – вытеснив Марину, экран заполнило Володино лицо, – поторопись. Дела такие, что некогда рассусоливать.

– Мы тебе все по дороге расскажем, – донесся отдаленный Мишин голос.

Ну вот, еще придется тащиться в три часа ночи невесть куда! Но если Миша и Володя тоже здесь, значит, стряслось что-то по-настоящему серьезное...

Отдавая распоряжения охране, Игорь одновременно соображал, что бы ему такое надеть – подниматься наверх, в гардеробную, не хотелось. Он вспомнил, что где-то внизу валяется спортивный костюм, в котором Игорь по настоянию жены на днях снова начал делать зарядку. Костюм грязноватый, потный, но ведь его и просили одеться похуже...

Менее чем через пять минут Игорь уже сидел в машине Володи. Тот укоризненно взглянул на его кроссовки: по дороге Игорь спросонья наступил на грядку со свежееудобренными лилиями, и теперь на коврике размазался навоз. Друзья знали трепетное отношение Володи к своей механической лошадке, которую он холил и лелеял. Что с автолюбителя возьмешь!

– Ладно, ладно, – поджал ноги Игорь, – подумаешь, грязь! Отмоется... Вы мне лучше скажите, братцы-кролики, куда мы в четвертом часу премся? Зачем? Примчались, как ненормальные, разбудили... Какое бы ни было срочное дело, неужели нельзя его на светлое время суток перенести?

– Нельзя, – подала голос Марина с заднего сиденья. Затиснутая в тень, с бледным до расплывчатости лицом, все в том же элегантном черном туалете, она казалась покойницей – или, скорее, куклой, которую временно оживил какой-то недобрый колдун. – То, что мы хотим сделать, незаконно.

– Что?

– Мы должны откопать Андрюшу.

– Что-о?!

И все тем же запинаящимся (точно у куклы периодически кончался завод) голосом Марина поведала невероятные вещи, пока за боковым стеклом автомобиля проносились леса и тихие предрассветные поселки, слитые в одну неразличимую полосу.

Андрей оставил предсмертную записку, о которой Марина никому не сообщила. Даже сама почему-то не удосужилась прочитать... Да, да, согласна, со стороны это выглядит нелепо, если не преступно. Но поймите, у нее просто не хватило мужества! Когда она развернула этот листочек бумаги, валявшийся на полу рядом с табуреткой, которую оттолкнул самоубийца, ей стало так невыносимо...

В глаза ей бросилось окончание: «...только так я смогу изменить сценарий. Андрей», – и она не решилась прочесть целиком. Эту записку она положила в ящик комода – спрятала от себя самой. А потом, чтобы спрятать окончательно и бесповоротно, вложила ее в карман пиджака, в котором похоронили Андрюшу... Но сейчас она понимает, какую глупость сделала. И эту глупость надо исправить. Немедленно! Разложение делает свою неумолимую работу, а весна в этом году выдалась теплая, и скоро записку никто уже не сможет прочесть...

– Но почему не сделать все легально? – У Игоря это в мозгах не укладывалось. – Почему не обратиться к администрации кладбища, не нанять могильщиков?

– Я выясняла. Такие вещи делаются только с разрешения милиции.

– Так обратилась бы в милицию! – Игоря вся эта бодяга начинала злить.

– Милиция не захочет этим заниматься. Следователь уже закрыл дело: судмедэкспертиза дала заключение, что это не убийство, а самоубийство. А причины, мотивы, всякая психология – это их не касается...

– Ага, а меня касается, конечно, – обреченно вздохнул Игорь.

Марина умоляюще сложила белые руки на плосковатой груди, украшенной дикой фанаберией черного шелка и меха:

– Но к кому же мне обратиться? Андрюши больше нет, остались только вы, его друзья!

В этом была вся Марина – предельно беспомощная и предельно навязчивая в своей беспомощности. Она и раньше обращалась к друзьям мужа, если по каким-либо причинам не могла получить помощи от него самого. Игоря это давно раздражало. Но сейчас Володя и Миша обратили к нему свирепые лица, на которых читалось: отказать женщине, недавно потерявшей мужа, – редкостный сволочизм. Вот, блин, рыцари! И Игорь сдался. В конце концов, разве не он хотел доискаться причин самоубийства Андрея? Так вот же оно, само в руки идет...

– Хорошо, Марина. Ты права, мы – друзья Андрея. Мы сделаем для него все, что в наших силах.

Марина утихла как-то резко, словно ее выключили. Глаза у нее помертвели, превратились в неосвещенные оконца давно заброшенного дома. Чтобы не смотреть на эту постаревшую, но все равно неодушевленную куклу, Андрей повернулся к окну, хотя любоваться там было особенно нечем: все та же сплошная, изредка с проблесками фонарей, чернота.

Домчаться до кладбища после этого разговора получилось на редкость быстро. А ведь Андрей что ни божий день мотался из собственного коттеджа в Москву, и на это у него уходило не менее полутора часов... Дорогу Володя, что ли, выбрал какую-то особенную? «Надо его спросить», – мелькнула мысль и погасла. Кладбищенская ограда отсекала все посторонние рассуждения. Марину на кладбище не взяли, во избежание неадекватного поведения. Пусть лучше сидит и караулит автомобиль, который пришлось оставить снаружи: разве могли бы они в такое время получить ключи от ворот? По счастью, Миша с его журналистской сноровкой разведаль место, где в ограде зияла прикрытая кустами дыра. Через эту дыру они и пробрались, неся на плечах завернутые в брезент лопаты, царапаясь о ветки. Ни дать ни взять – похитители мертвых тел... Игорь как-то наткнулся по телевизору на передачу о том, что в Средние века похищали тела из могил не только и не столько врачи, желающие узнать строение человеческого организма, сколько черные маги, использовавшие части трупов для изготовления амулетов, гадания и прочих причудливых целей. Тогда Игорь щелкнул пультом, переключаясь на другой канал, и успел подумать: «Что за белиберду показывают!» Но сейчас ему вдруг показалось, что какое-то правдоподобие в этой белиберде имелось. По крайней мере, Игорь в тот момент ощущал себя черным магом, идущим на злодейский промысел. Или – отбрасывая мистику – просто уголовником... Учитывая обстоятельства, он им и являлся. И он совсем не был уверен, что если их застанут за раскапыванием свежезанятого участка, то дадут спокойно уйти.

Аллею, ведущую к участку, удалось отыскать на редкость легко. В этом поспособствовал слабый свет, который уже начинал исходить – словно бы не с неба, а от посыпанных светлым песком дорожек, от молчаливо-пристальных фотографий на памятниках. Зато деревья выступали хранителями темноты... Странно: ветра нет, почему же деревья качаются? Да еще и ветками шевелят... Приглядевшись, Игорь разобрал, что в кронах деревьев по всей длине аллеи копошатся крупные птицы. Кажется, вороны. Только почему они не каркают? И в чем причина этого вороньего собрания? В этой природной аномалии было нечто настолько непостижимое, что у Игоря предательская слабость пробралась в колени.

– Надо торопиться, – сказал Володя. – Светает.

Разумное соображение. Подчиняясь ему, Игорь перестал пялиться на деревья и ворон (может, они так спят?), взял лопату и присоединился к друзьям, которые уже навалились трудовым десантом на участок с Андриюхиной фотографией.

Копать свежую землю было не так уж тяжело. Достать гроб – труднее, а уж открыть – и того пуще. Не заботясь об аккуратности, крышку сбивали лопатами. Стук раскатывался тугим звуком по аллее, но об этом уже не беспокоился никто. Как ни удивительно, сторож или смотритель – как называется эта должность на кладбище – не явился. Зато, очевидно, непривычные звуки встревожили ворон. Сначала они подняли крик у себя на деревьях. Затем, как бы придя к какому-то соглашению, взлетели, понеслись, каркаящей черной тучей на фоне бледного рассветающего неба нависли над тремя трупокопателями, которые уже успели сбить крышку гроба.

– Что это? – по-бабьи взвизгнул Миша.

Визг был неприятный, истеричный, но Игорь понял друга. В нем самом нарастал, ища выхода наружу, дикий звериный вопль от нелогичности и тошного неправдоподобия происходящего. Одна из ворон спикировала прямо на гроб и принялась долбить клювом полузакрытую крышку. Володя, замахав, попытался согнать ее, но ворона клюнула его – наотмашь, точно ножом ударила по мизинцу и безымянному пальцу. Володя вскрикнул. К первой вороне присоединились ее галдящие товарки. Не выдержав нападения птиц, люди выскочили из могильной ямы и отбежали подальше, с отчаянной беспомощностью и недоумением глядя на происходящее. Крышка слетела окончательно, словно сама собой. И тут произошло нечто, вселившее в Игоря ужас и липкое омерзение. Вороны набросились на покойника и принялись долбить его клювами в лицо, склевывая благообразный посмертный грим, который отслоился, точно резиновая маска. Прямо в небо уставилось заплывшими глазами истинное лицо висельника – синее, раздутое, с растянутым в тонкую щелку ртом...

«Этого не может быть! Нет!!!»

«Нет!!!» – продолжало что-то кричать в Игоре, когда он с трудом разлепил веки. Теплая уютная тишина собственной спальни. Под боком ворочается, похрапывает Инна. На дисплее электронных часов, совмещенных с

радиоприемником, полыхают цифры «03:08»... Что же это? Где же он на самом деле? Что это за заколдованный круг, в который он угодил? Вот сейчас позвонит телефон, и все начнется заново... А может, уже позвонил – и его, на самом деле, разбудил звонок?

Игорь полежал несколько минут неподвижно, стараясь ровно дышать и унять аритмичное сердцебиение. Никаких звонков не последовало.

Тихонько, стараясь не разбудить жену, Игорь сам связался с охраной и получил ответ, что все в порядке, вокруг тихо и спокойно.

Значит, это был сон. Всего лишь сон. Навянный кладбищенскими впечатлениями – ничего удивительного... А совпадение времени? Работа подсознания. Игорь – человек очень пунктуальный: всегда может сказать, который час, с точностью до пяти минут. Вот и во сне он, по своему обыкновению, твердо знал время – и «нарисовал» его на воображаемом будильнике... Все элементарно, на самом деле!

Элементарно-то элементарно, но заснуть Игорь после такого сна не мог. Не пытался даже. Нашарив в темноте халат (тело вздрогнуло от его щекочущих махровых прикосновений), спустился на первый этаж. Отмахнулся от набежавших с вопросами секьюрити, двинулся на кухню. Щурясь от вспыхнувшего света, включил электрочайник. Намешал себе в любимую немецкую кружку с танцующими поросятами, одетыми в тирольские костюмы, четыре ложки растворимого кофе, достал из шкафа обсыпанные ванилью сухарики. В такой ситуации аж под ложечкой сосало, до того хотелось закурить, но когда он завязал с куревом, полтора года назад, Инна предусмотрительно ликвидировала все его пачки-зачачки. Если бы жили в Москве, выскочил бы в угловой киоск за сигаретами. А тут, за городом, изволь сидеть, как школьник, и заедать тоску и страхи ванильными сухарями. Может, у охраны стрельнуть? Нет, не стоит, Инка наверняка дознается, поднимет крик...

Игоря с каждым днем все сильнее и сильнее раздражал загородный дом – эта тряпина, в которую было вложено столько средств и столько несбывшихся надежд. Собственно, надежд – Инниных. Все капала на мозги: «Ах, как хорошо за городом, простор, зелень, свежий воздух, никаких надоедливых соседей, не то что в этой проклятой Москве...» Игорю же Москва, с ее смогом и пробками, «проклятой» не казалась: он восхищался мегаполисом во всех его проявлениях. А пресловутого «свежего воздуха» он в Озерске нахлебался – до конца жизни

хватит... Однако Инне уступил. Подумал: может, хоть за городом жена перестанет беситься от ревности. Найдет себе необременительное повседневное развлечение. Цветы, что ли, выращивать будет... Ага, как же! Садоводством она и вправду занимается, но вместе с розами и лилиями Иннина ревность тоже распустилась махровым цветом. И выходит, что, согласившись на ее условие, Игорь выставил себя дураком...

Рассуждая с самим собой о перипетиях сложных семейных отношений, привычных, как для сердечника, печеночника или почечника боль в нездоровом органе, Игорь старался отвлечься от мыслей о приснившемся кошмаре. Но они постоянно лезли на ум, точно радиопомехи в автомобиле, перебивающие песню. Откуда, спрашивается, во сне взялась эта фраза: «...Только так я смогу изменить сценарий»? Может быть, слышал ее наяву? А была ли вообще предсмертная записка? Надо поговорить с Мариной, непременно надо поговорить...

На кухню вошла Инна – все в той же розовой ночной рубашке, щурясь от близорукости и прерванного сна. Ее разбуженное лицо, похожее сейчас без очков на слепую кротовую мордочку, на секунду умилило Игоря. Так же, как и сам факт, что она проснулась, почувствовав, что мужа не оказалось рядом. Значит, все-таки любит!

«Не любовь здесь, а чувство собственности, – заспорил внутри Игоря кто-то холодный и рациональный. – Инна меня в последнее время совершенно не ласкает, не говорит хороших слов, не заботится обо мне. Зато моментально чувствует, как только рядом со мной возникает женщина, готовая уделить мне хоть немного любви и ласки...»

– Что, Иннуся? – пересиливая эту внутреннюю холодность, Игорь попытался вложить в свой голос максимум теплоты. – Не волнуйся, все в порядке. Мне просто не спится.

– И мне не спится, – мужественно заявила Инна. – Давай посидим. Что ты пьешь? А сделай мне тоже кофе!

Вдруг все стало спокойно, надежно и закономерно. Словно этот кладбищенский кошмар, выбросивший супругов Гаренковых из постели в такую рань, вернул им их полузабытые кухонные посиделки. Жениховско-невестинские – когда начинающий историк Инка в хиппушных джинсах и будущий студент Игоряшка

взахлеб спорили у друзей о политике и проблемах мироздания. И супружеские – когда Инна вникала в его рабочие дела, выслушивала сетования на конкурентов, давала мудрые советы... Почему это все прекратилось? Как давно лишили они себя этих часов дружеской близости? Игорю вдруг показалось, что налаживается его семейная жизнь. Все еще может наладиться... Не было бы счастья, да несчастье помогло...

– ...Я давно заметила, что Алинка к Стасу неровно дышит, – упоенно болтала Инна, вспоминая похороны и то, что было после них.

– И он к ней тоже, – откликнулся Игорь. В окно уже пробиралось розовое сияние над строем подступающих к ограде деревьев. Темные деревья не напоминали Игорю его сон с воронами... Ну, если совсем честно – почти не напоминали.

– Что касается меня, я не против. Пусть встречаются, он мальчик хороший, семья у них вполне приличная... Правда, теперь, после смерти Андрея, все может измениться... Ты не знаешь, что Андрей Маринке оставил? У него ведь была любовница. Видел, толстая такая девка в гипюровой косынке из бабкиного сундука?

– Видел. – Игорю Дуня тоже показалась полноватой, однако грубость обычно интеллигентной Инны в адрес безобидной девушки его ранила. – Никакая она не толстая, вполне симпатичная девчонка.

– Скажешь тоже – симпатичная! – возмутилась Инна. – Корова коровой! Нет, я от Андрея такого не ожидала, честно. Это ты у нас всегда был бабник известный, но Андрюха...

Что-то треснуло. Возможно, в электропроводке, которая, хоть и была не так давно проведена, уже давала сбои, отошел какой-то невидимый проводок. А может, с таким звуком лопается надежда на семейное благополучие. Какая это, оказывается, хрупкая вещь! Достаточно единственного слова, и то, что казалось прочным мостом меж двумя берегами одной реки, уходит из-под ног, окуная тебя в ледяную воду. Игорь решительно отодвинул давно опустевшую чашку с кофейным кольцом на дне и встал из-за стола.

– Ты куда? – окликнула мужа Инна.

– Пойду собираться. Засиделись тут мы с тобой. Утро уже на дворе.

– Всего только семь!

– Тем лучше. Доеду без пробок.

Когда Игорь обернулся возле выхода из кухни, Инна, примостившись на краю обитого красной кожей «уголка», прямо под вьющимся по стене декоративным плющом, смотрела на него красивыми, истекающими безнадежностью глазами. Словно Ассоль, которая провожает капитана Грея в кругосветное плавание на утлом паруснике. Игорю показалось, она хотела извиниться... Впрочем, последнее – из разряда несбыточных мечтаний. За последний год в семье Гаренковых никто не просил прощения. Ни под каким предлогом. Ни за что.

– Пойду будить Алинку, – произнесла Инна деревянным голосом, лишенным всякого выражения, и тоже встала.

Игорь отдавал себе отчет, что его ночные скитания – не более, чем сон. Тем не менее, словно играя с самим собой в непонятную игру, он не смог удержаться от того, чтобы не пойти поискать тренировочный костюм. И нашел его – на внутренней веранде, скомканный, небрежно брошенный на кресло-качалку. Впрочем, это ничего не значило. Найти хорошую прислугу трудно, Инна постоянно их меняла, и та, что была у них сейчас, особой аккуратностью не отличалась. Кроссовки тоже выглядели грязными, на подошвах – жирная грязь. Нюхать ее, чтобы определить природу, Игорь, конечно, не стал, но все же отправился взглянуть на грядку с лилиями, куда он во сне наступил, сгребя подошвой порцию натурального удобрения.

Удобрение действительно оказалось смазано. В том самом месте. Однако отпечатка подошвы различить не удавалось. И, применяя дедуктивный метод, Игорь пришел к элементарному выводу: удобрение смазала фокстерьериха Чучка, которая на старости собачьих лет дневала и ночевала снаружи дома, время от времени бдительно потягивая.

* * *

Что заставляло Игоря изменять жене? Проще всего было бы оправдаться тем, что никогда ее не любил. Но нет, любил, и как еще, сохнул по ней, несчастный провинциал – по умной, интеллигентной, насмешливой московской девице. Инка носила джинсы с заплатками. Она умела так распустить волосы по плечам, как и не снилось девушкам из задрипанного Озерска, она с необычной для слабого пола компетентностью рассуждала на любые исторические и политические темы, она читала такие книги, которые... А вот и нет! Игорь тоже перечитал немало книг, и отдельные авторы в их списках совпадали. И в общем, Игорь, хотя в то время и подметал московский дворик, готовясь к поступлению в институт (а Инка уже училась), вполне соответствовал ей интеллектуально. Ну, по крайней мере, очень старался соответствовать. Она постоянно этого требовала – и во время предварительных ухаживаний, и позднее, когда она стала регулярно посещать однокомнатную квартирку, которая полагалась Игорю как дворнику.

А потом... Годы шли и шли, а Инна, уже давно носившая фамилию Гаренкова, оставалась все такой же требовательной. И Игорь, гордясь женой, продолжал стараться соответствовать выдвигаемым ею требованиям. Даже когда namного перерос ее по общественному положению и уровню зарплаты. Он гордился Инной, и эта любовь, которую все еще к ней испытывал, была неразрывно сопряжена с удовольствием обладать такой редкой женщиной, которая не обабилась, не растолстела, не потеряла остроты ума, как это бывает с женами бизнесменов, привыкшими, что мужья все сделают и им не надо напрягаться в этой жизненной борьбе.

Любил, гордился, старался соответствовать... Однако постепенно вынужден был признаться самому себе: блин, как надоело! На хрена все эти сложности, неужели нельзя без них? Почему его, как ни придет с работы, подыхающий от усталости, непрерывно грузят какими-то интеллектуальными наворотами? Чтоб оно все провалилось!

И Игорь пустился во все тяжкие. С какого-то очень важного внутреннего винта сорвало резьбу, и измены вошли в систему. Он забывал имена своих любовниц, забывал лица – помнил лишь груди, задницы, животы, сокровенные влажные места. И наслаждался этой безликостью! Не нужны ему лица, внутренний мир, тонкие интеллектуальные личности, ему нужны элементарные бабы, которых можно элементарно трахать. Безо всякой любви – он не верил, когда эти простушки, пытаясь заловить богатея на живца, начинали изображать, будто страстно влюблены в него. И всегда давал понять, что такое поведение ему не

нравится. Правда, это уже ближе к концу интрижки, получив от женщины все, что она могла дать.

Единственное, что его смущало – Алина. Представляя, что сказала бы его бескомпромиссная дочь, увидев папу с чужой женщиной, он чувствовал, как опускается то самое, что толкало его на эти грязноватые приключения. Но дети не должны судить родителей, разве не так? Это общечеловеческий закон: дети плохо разбираются в сложностях взрослой жизни. Вырастет дочура – поймет. А пока не выросла – откуда она, спрашивается, может узнать, если он так хорошо маскируется? Наученный одним давним происшествием, он никогда не устраивает свиданий у себя в офисе. Самые надежные места, где можно расслабиться и оттянуться, находятся за границей.

Его последнюю пассию... как же ее звали?.. Валя, Ира, Надя? Да, правильно, Надя. Знакомство их произошло спонтанно, как обычно происходили знакомства Игоря с такого рода красивыми и не слишком строгой нравственности девушками... Девушками – только в отношении возраста. Надя явилась брать у него интервью для одного малоизвестного журнала, освещающего проблемы бизнеса. Игорь обычно передоверял такие вещи своим референтам, но вот с Надей почему-то решил встретиться и беседовать полностью самостоятельно. И не прогадал. По словам Нади, она была сражена его компетентностью и обаянием. А он был сражен ее физическим обликом. И больше, в общем, ничем. То, что она сумела задать ему все необходимые вопросы, почти не путаясь в терминах, казалось чудом. Но, собственно, зачем ей владение терминами – при ее-то внешних данных? Из того, как она двигала плечами, управляясь с диктофоном, как слегка расставляла колени, при минимально допустимой длине юбки, Игорь сделал вывод, что надо брать быка за рога. И не прогадал. Бык, то есть Надя, – не стал сопротивляться.

И вот она рядом с ним, в аэропорту. Сто семьдесят пять сантиметров без каблуков, гривища обелокуренных волос, голливудская улыбка в тридцать два белейших зуба, силиконовые груди, как футбольные мячи, умеренный загар, приобретенный в солярии, – иначе как бы она, спрашивается, успела загореть в начале московской весны? Рядом с нею Игорь в буквальном смысле слова имел бледный вид, но ничуть не смущался. Каждый, кто посмотрит на эту парочку, догадается, что главный здесь – мужчина. Игорь действительно сделал ей роскошный подарок, способный доставить обоим удовольствие: свозил на Канары. Надя уверяла, что боится летать – то ли вправду боялась, то ли кокетничала, кто этих баб разберет? Так или иначе, в кафе аэропорта

Шереметьево перед посадкой она повизгивала, что ей ужасно-ужасно страшно, такая высота над уровнем моря, и он, смеясь, поил ее шампанским, чтобы прибавить смелости.

– А твоя жена ничего не заподозрит? – спросила в какой-то момент Надя.

– Я сказал ей, что еду по делам в Казахстан.

– Ой, умора! – захохотала она, разевая голливудски-зубастую пасть. – Она тебя спросит, где ты так загорел, а ты скажешь – в Казахстане!

Почему именно Казахстан, Игорь и сам не знал. Но это вошло у него в привычку – каждый раз, отправляясь куда-то на приватный отдых, он говорил Инне, что едет в командировку, и называл совершенно другую точку земного шара. Просто так, на всякий случай. И всегда относился к этому нормально, но тогда, в аэропорту, этот самый Казахстан тоже показался ему необычайно смешным. И он, вторя Наде, залился смехом.

Наверное, так подействовало шампанское, основательно засорило своими волшебными пузырьками и его мозг. По-хорошему, нужно было остановиться. Это у него происходило на уровне рефлекса: алкоголя – самую малость. Никогда, ни по какому случаю, ни под каким предлогом не напиваться допьяна. Данной мудрости его научила мать – своим примером. Отрицательным примером, но тем более действенным. Каждый раз, когда Игорю случалось употреблять спиртное, тень матери проскальзывала по краю его сознания, и удовольствия от выпивки он уже не получал. Пусть это считается нетипичным для мужчины, особенно в России – Игорь тут ничем помочь не может, принимайте его таким, каков он есть. Ну, совсем он не считает, что в умении перепить всех собутыльников заключено какое-то великое достоинство. Вот если мужчина способен обойти соперников в зарабатывании денег – это в самом деле достоинство, это свидетельствует, что у него есть голова на плечах. А если он первый в застолье – это свидетельствует о луженом желудке и больше ни о чем. Обычно он всегда придерживался своего правила – но именно в тот раз, в аэропорту с Надей, дал слабину.

Когда объявили посадку на их рейс, Игорь оказался слегка навеселе, а Надю можно было без преувеличения назвать пьяной. Как раз в этот момент у Игоря зазвонил телефон. На экранчике высветилось: «Андрюха».

- Андрюха, привет! - весело крикнул в трубку Игорь.

- Ты занят? - Голос у Андрея был глухой, торопливый... Впрочем, может быть, это казалось Игорю, когда потом, зная, что должно было случиться вскоре, он вспоминал этот разговор.

Тогда Игорь, конечно, не мог заподозрить, как все обернется. И, взглянув на смеющуюся Надю, еще веселее ответил:

- Не то слово!

- Жаль. Мне очень нужно с тобой поговорить. Ты когда освободишься?

- Через две недели. Лечу в Казахстан, а на самом деле - на Канары. Только Инке не говори!

Все еще смеясь, Игорь нажал отбой. А следом и вовсе отключил телефон. Ведь согласно технике безопасности, мобильные переговоры в самолете запрещены.

Пляж, пальмы, солнце, купание и прочие курортные прелести заставили Игоря больше чем на сутки забыть о звонке друга. И звонок, и Андрей остались там, в ненастной деловой Москве. Здесь был совсем другой мир, полный телесных наслаждений и вожделенных излишеств. Однако в послеполуденной истоме второго дня, когда они с Надей, лежа в шезлонгах, потягивали коктейли, Игорь все-таки вспомнил о деле, которое осталось незаконченным. Достал мобильный, нашел последний вызов от Андрея, нажал кнопку.

- Кому звонишь? Благоверной? - лениво поинтересовалась Надя, собиравшаяся снова втереть себе в атласные плечи солнцезащитный лосьон.

- Нет, другу, Андрюхе, - сказал Игорь. - Нехорошо как-то получилось. Он поговорить хотел, важное что-то, а я...

В трубке долго раздавались длинные гудки, а потом поступил сигнал - ответа нет.

- Не отвечает...

– Значит, не так уж ты ему нужен, если не отвечает. – Преодолев лень, охватывающую на юге даже самых деловых северян (к коим обычно не относятся женщины), Надя все-таки дотянулась до бутылки с лосьоном. – Надо будет – сам позвонит. Смотри лучше на море. Синее-синее! Ой, а я ведь раньше не верила, что море бывает синее, как в кино... Не волнуйся ты зря!

– Это не море, лапочка, это океан... – машинально поправил Игорь, а про себя подумал, что девочка, пожалуй, права, причин для волнения нет. Тем не менее крохотный червячок продолжал глотать его: для Андрея фраза «Мне очень нужно с тобой поговорить» была нехарактерна. Андрюха – легкий человек – не любил никому навязываться; наоборот, это его эксплуатировали все, кому не лень. Он никогда не отказывался выслушать Игоря, когда тому бывало тяжело. Почему же Игорь отказал ему в самом простом дружеском сочувствии?

«Если бы он чуть раньше позвонил! – оправдывался перед самим собой Игорь. – А то ведь именно в тот момент, когда посадку объявили... Ну ничего, я ему еще дозвонюсь. Хоть всю ночь напролет пусть болтает!»

И снова эта мысль улетучилась, вытесненная другими, более приятными. После отдыха в шезлонгах они с Надей удалились в номер шикарного отеля, который он заказал заранее, выбрав по Интернету апартаменты. Больше всего его привлекла огромная круглая кровать с водяным матрасом – настоящий сексодром! Как же можно не опробовать такое замечательное изобретение?

Они его, конечно, опробовали. От Нади пахло морем, лосьоном, свежим потом. И, выполняя фантазии Игоря, ей пришлось еще попотеть...

Когда наконец фантазии исчерпались, Надя заснула, раскинувшись на широкой кровати, животом вниз, с расставленными длинными ногами. Бледноватые подколенные ямочки пикантно и трогательно выделялись на фоне загара. Выждав, когда дыхание спящей станет ровным и глубоким, Игорь протянул руку к тумбочке за мобильником и вторично вызвал тот самый номер.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – сообщил механический голос. – Пожалуйста, позвоните позднее».

«Нет, ну что за остолоп! – выругал Игорь старого друга. – То поговорить ему, видите ли, хочется, то он трубу отключает на целые сутки... Тьфу! Да ну его! Я же русским языком сказал, что прилечу через две недели. Вот через две недели встретимся и поговорим. Как следует поговорим. Я его в гости приглашу... или сам к нему приеду... или сходим в хороший ресторан... Все как-нибудь образуется».

Поэтому Игорь не стал звонить «позднее». Для «позднее» у него нашлись неотложные дела, включаемые в сладостное понятие «отпуск на Канарах». Он заплатил – он обязан оттянуться на всю катушку, разве не так? Оторваться так, чтоб небу жарко стало!

Две недели спустя Игорь и Надя, теперь уже оба загорелые, с дорожными сумками, вышли из здания аэропорта Шереметьево. Игорь усадил ее в такси.

– Пока. Я позвоню, – бросил Игорь, торопливо целуя красавицу в тугую, розово-смуглую, как у мулатки, щечку.

– А ты разве со мной не поедешь? – Надя надула губки, но Игорь был уже нечувствителен к ее чарам:

– Нет, у меня дела. Спасибо за прекрасный отпуск.

Надя сдвинула аккуратно выщипанные брови. Обиделась. Конечно, обиделась. Но что ему за дело до обид случайной блондинки? Таких Надь у него было и будет миллион. Солнце, пальмы, океан, тугое Надино тело – все это осталось позади, приторное и уже нереальное, как съеденный торт. Московская жизнь вступала в свои права.

Едва такси с обиженной Надей уехало, Игорь сел в собственную машину, припаркованную на другой стороне улицы. Кивнул водителю, которому давно не нужно было объяснять, что и как. Вызвал из адресной книги номер... Нет, не Андрюхин. Другой, но помещавшийся с ним в одной папочке:

– Маринка, привет. Что-то я никак до Андрюхи дозвониться не могу...

В зеркальце заднего вида перед Игорем маячила только часть его лица. Однако по тому, как она застыла и вытянулась, он смог представить, что произошло с его выражением в целом. К счастью, водитель смотрел на дорогу. Если бы ему пришлось в голову обернуться, он попал бы в аварию.

* * *

«А место и в самом деле глухое», – отметил Игорь.

Чтобы найти Глухой переулок, обозначенный на врученной Сашей визитке, пришлось изрядно поблуждать. Сначала Максим, так звали его водителя, никак не мог развернуться; потом, покинув сверкающий бесчисленными рекламными щитами проспект, отважно забрался в места, где в темноте сияли усталые вечерние окна домов и тянулись гаражи и бетонные заборы. Голубоватый ледяной свет фонарей придавал местности вид неживой, лунный, или скорее зимний, вопреки царствованию весны... Игорь уж было решил, что они что-то перепутали, не туда свернули – однако именно в тот самый момент сам заметил дом с нужным номером. Вывеска «Ретро» приглушенно мерцала над ступеньками, ведущими в подвал.

– Странное какое-то место, Игорь Сергеевич, – поежился Максим. – Вы уверены, что вам сюда?

– Адрес тот? – коротко спросил Игорь.

– Тот... – словно бы против воли согласился водитель.

– Значит, сюда. Жди.

Игорь спустился по бетонным щербатым ступенькам, испытывая одинаковое с водителем чувство дезориентированности и некоторой досады. Да, Глухой переулок, дом 8, ресторан «Ретро» – все как будто бы правильно... Неправильным представлялось само наличие ресторана среди этих отгороженных гаражами и заборами, замкнутых на все домофоны многоэтажек. Ресторан, расположенный в таком невыгодном микрорайоне, наверняка не пользуется популярностью.

Игорь потянул на себя обитую железом дверь. Та не поддавалась. Заперто, что ли? Значит, он все-таки приехал не туда. Или Сашка что-то напутал... Он дернул за ручку еще раз. Нет, открыто. Просто дверь тугая, поддается с трудом.

Внутри оказалось на удивление симпатично. Уже от входа обдала совокупная волна музыки, приятного приглушенного света ламп, смеха, голосов и вкусных запахов. Как бы ни был непритязателен ресторан «Ретро» снаружи, на отсутствие посетителей пожаловаться не мог. Все столики были заняты.

Обстановка ресторана Игорю понравилась. Сводчатые потолки, стены отделаны деревом и украшены вьющимися растениями. Повсюду чеканка – сто лет, с советских времен, ее не видел! – и неуловимый дух недавнего прошлого. Может быть, ностальгия – главный козырь, притягивающий сюда посетителей? Надо же, а Игорь и не знал, что в Москве есть такое уютное местечко...

Навстречу Игорю откуда-то из боковой двери вынырнул невысокий, монументально-пузатый человек в строгом черном костюме и при галстук-бабочке. Лицо с крупными чертами, густые брови и усы мимолетно напомнили окарикатуренного Сталина... Впрочем, Сталин тут ни при чем: просто типичный кавказец. Даже преувеличенный кавказец. Не хватало только, чтобы он вместо своего черного костюма с белой рубашкой нацепил папаху и бурку. И саблю в придачу... Но нет, без сабли придется обойтись. Она помешала бы его горячей жестикуляции.

– Заходите, – Игорю так и послышалось: «За-ахады, дарагой!» – Саша уже да-авно вас ждет. Прошу сюда. Рады вас видеть. Друг Саши – мой друг!

Метрдотель (или хозяин заведения?) почтительно провел Игоря сквозь довольно большой зал, между столами, расположенными заковыристым, почти лабиринтным способом. Красивая деревянная арка вынудила пригнуть голову. По пути Игорь смотрел на посетителей, одетых, что примечательно, по моде начала девяностых... Ах да, ведь ресторан именуется «Ретро»! Наверняка здесь принят такой дресс-код. Что же Сашка не предупредил? Конечно, благодаря Инне гардероб Игоря Сергеевича Гаренкова находится в полном соответствии с современной модой, но стоит только свистнуть, ему специально для этого случая приволокли бы любой костюм. Хоть из девяностых, хоть из времен Шекспира.

Впрочем, Игорю не пришлось долго волноваться по поводу одежды. Сашка, ожидавший его, по-видимому, за специально расположенном на отшибе столиком на двоих, тоже в местный дресс-код не вписывался... Да что там мелочиться – он не вписывался вообще ни в какие дресс-коды! За богато накрытым столом, на стуле с бархатной обивкой сидел старый друг, одетый так же, как на кладбище. Клетчатый пиджак какого-то гнусно-коричневатого, точно канализационная жижа, цвета; из-под стола высовывается отставленная (больная) нога в спортивной штанине и кроссовке... На кладбище кроссовка выглядела просто рваной. Теперь, должно быть, после скитаний по Москве, она стала еще и грязной.

– Ты и сюда в таком виде... – не удержавшись, вместо приветствия выдал Игорь.

– Нормальный вид, я теперь всегда так выгляжу, – ответил Саша без раздражения, но и без улыбки.

Игорь вдруг жутко смутился. Почему? Стало стыдно за свое богатство рядом с нуждающимся другом-инвалидом? Или его смутило, что, несмотря на убогую одежонку и очевидные дефекты перекошенной фигуры, Саша совсем не производил впечатления униженного и оскорбленного? Наоборот, в нем появилось незнакомое раньше внутреннее достоинство – нет, скорее гордость, почти надменность... Некое новое качество, заставившее вдруг Игоря оробеть и почувствовать себя жалким и маленьким.

– Слушай... Может, тебе помочь чем-нибудь? – Игорь сам не знал, почему он это предложил: от всей души – или чтобы избавиться от неприятной робости? – Ну, с работой там или еще как?.. Хочешь, я тебя в свою фирму устрою?

– Да нет, спасибо, – отмел предложение Саша движением руки. – Я уже устроен.

– А кем ты работаешь?

– А чего это тебя вдруг стало интересовать? – усмехнулся Саша.

От этой незавуалированной насмешки кровь ударила Игорю в голову, и пространство вокруг зазвенело. Показалось, что Сашу окутывает стеклянный кокон, отделяющий его от Игоря... отделяющий навсегда.

– Сашка, ты это брось! Да, я понимаю, тебе пришлось тяжело...

– Да, конечно, ты это понимаешь, – Саша даже не пытался замаскировать иронию.

Игорь смутился, отвел глаза, посмотрел вокруг. За соседним столиком, по-видимому, назревал конфликт: красавица-брюнетка, одетая точно для аргентинского танго – красное платье с воланами по подолу, пригнувшись к скатерти, злобно шептала какие-то обвинения сидевшему напротив бесцветному шатену в сером костюме, который нервно поправлял очки.

– Ну ладно, признаю, есть вещи, которые не можешь понять, если не пережил... Но и ты не пережил того, что выпало нам на долю! Думаешь, легко нам было пробивать дорогу в чужом городе? Миша и Андрюха, те хоть сразу поступили, им предоставили общежитие. А мне пришлось дворником валандаться за жилье. И еще год к вступительным экзаменам готовиться. Еле поступил, чуть в армию не загремел... Вот, хотели тебя навестить, да все как-то некогда было...

Бормоча эти оправдания, Игорь всем нутром понимал: не катит! Ну допустим, бедствия раннего московского периода, ну допустим, некогда было вырваться в родной Озерск. Но посылать хотя бы раз в месяц письмо – неужели на это требовалось много времени и денег? А впоследствии, когда невезуха разжала свои железные тиски и у четырех друзей из Озерска резко поперла вверх карьера – неужели так и не сумели съездить на родину, проведать людей, которые когда-то для них так много значили, так много сделали? Молчание длиной в двадцать лет...

– Я понимаю, – сменив тон, с неожиданной кротостью произнес Саша. – Мне и самому было некогда. Сначала долго лежал в больнице, сам знаешь, после чего. Врачи сомневались, что я выживу. Помимо перелома позвоночника, еще и разрывы внутренних органов. Шансов, мне потом сказали, было процентов двадцать...

Игорь невольно зажмурился. Прошлое вдруг охватило его, пронзило скрежетом поезда, оглушительными криками... натушливой улыбкой на искаженном свирепой болью лице... Они и вправду подумали, что Сашка не выживет! Ни тогда, ни впоследствии друзья не разговаривали об этом между собой, но каждый понимал: они бросили умирающего. И то, что Саша выжил, не отменяло

этого гнусного потаенного знания.

– А потом... потом я тоже был страшно занят. Вставал на ноги, как и вы. Только вы в переносном смысле, а я в самом что ни на есть прямом. Теперь вот сочувствую годовалым детишкам, которые ходить учатся: нелегкая, оказывается, это работа! Как в тех стишках: из болота тащить бегемота. Вес-то у меня недетский, а пока лежал, обессилел, мышцы не слушаются...

Игорь вздрогнул от резкого звона: конфликт за соседним столиком явно перерос в скандал. Похоже, что аргентинская красотка, исчерпав все иные методы убеждения, резко взмахнула рукой – на полу блестели осколки бокала и пенилось шампанское. Выросший из-под земли услужливым призраком официант мигом все подмел и убрал. «Поставьте это в счет», – тихо проговорил бесцветный очкарик, стараясь казаться невозмутимым, но губы у него подергивались. А красавица-брюнетка застыла на стуле, неестественно выпрямив спину, с ледяным, равнодушным взглядом...

– Жаловаться на судьбу мне нечего: ноги снова меня носят, отказался, как видишь, и от костылей. Потом тоже был хлопот полон рот: со стариками возни много, сам понимаешь.

– С какими стариками?

– Ах да, ошибся маленько. Надо было сказать, со старухами. Моей матерью и... твоей.

У Игоря полыхнули щеки: перед ним, как живая, встала мать. Не то, одетое в немислимые балахоны, источающее запах спиртного отечное истощенное чудовище, которое до сих пор иногда куролесило в его тягостных снах, а совсем другая, молодая мама, какой она была, когда он ходил во второй-третий класс. Зыбкий до пленительности облик, плохо запечатленный черно-белыми фотографиями. Она была тогда не тощая – просто тоненькая, с пышными длинными волосами, с вечно виноватым выражением больших серо-зеленых глаз, с этой милой щелью между передними зубами, которые в улыбке выступали вперед, как у зайчика. «Мама-зайка», – звал ее в минуты нежности Игорек, уже начиная мучительно ощущать себя старшим рядом с ней – неуклюжей, нелепой, до жути беспомощной перед лицом жизненных преград. Уже тогда она была небрежна в одежде, а может, просто одеться было не на

что, трудно прокормиться с ребенком на зарплату медсестры процедурного кабинета, и она не вылезала из мешковатого свитера с рисунком бегущих оленей и серой юбки, с подола которой то и дело свисали нитки, и мама отстригала их маникюрными ножницами...

- Она очень тяжело умирала, долго болела и сильно мучилась, - безжалостно продолжал Сашка. - Не от физических страданий даже, хотя они были страшными, не дай бог никому... Но для нее куда тяжелее было то, что ты так ни разу к ней и не приехал.

- Саш, ну ты в курсе, какая у нее была болезнь. Женский алкоголизм неизлечим. Если бы я и приехал, чем бы я ей помог? Она бы у меня только клянчить деньги начала. Я бы ей по слабости характера давал, а она бы их пропивала. Еще скорее в могилу ее свел бы, честное слово...

- Что касается женского алкоголизма, я не специалист. А твоя мать очень хотела с тобой повидаться. Хотела и боялась. Как-то раз увидела тебя по телевизору, за круглым столом, посвященным развитию нашей промышленности, и как начала причитать: «Игоречек, Игоречек! Какой же ты у меня красивый стал! Когда же ты ко мне приедешь?» А потом посмотрела на себя в зеркало и заплакала. «Нет, - говорит, - очень я страшная. Не хочу, чтобы мой сыночек единственный запомнил меня такой. Пускай живет спокойно в своей Москве, а я ему помехой не стану. Главное, что он счастлив, что у него все есть, о чем он мечтал». А ты... ты даже потом на похороны не явился.

От этого загробного материнского прощения Игорю стало еще более тошно. Хуже нет, когда рядом вот такой человек - жалобный и кроткий, ничего не требующий. Они убивают своим великодушием, а когда умирают сами, то превращаются в вечный укор, от которого невозможно избавиться.

Внезапно вспыхнуло возмущение. Почему его заставляют чувствовать себя кругом виноватым? Почему никто не спросит, как ему жилось с матерью в те годы, когда она, приходя с работы, немедленно начинала «лечиться» алкоголем, на который отрывала гроши от семейного бюджета - от него, Игоря, отрывала! Он вечно был одет хуже всех в классе, у него ботинки разваливались на ходу... И в чем его теперь упрекает Сашка? В том, что Игорь, как и трое остальных, смогли преодолеть свою жалкую провинциальную участь, вырвались из нищеты? Его бы, разумеется, больше устроило, если бы Игорь остался на всю жизнь в родном озерском омуте! Вкалывал бы на бесперспективной работе, зарабатывал

бы помаленьку мамочке на водочку... Жениться, конечно, не смог бы: куда, спрашивается, привести жену, в какой обстановке растить детей? Так какое, черт возьми, право имеет Сашка вот так глумиться над ним, козыряя озерскими несчастьями? Чем Игорь там мог бы помочь, кроме того, чтобы загубить себя?

- Ты бы хоть на могилу к ней съездил, - тихо попросил Саша.

- Обязательно. - Игорь поднялся из-за стола. - Рад был с тобой повидаться, Саш, но пора мне. Жена волноваться будет.

Несмотря на Сашкины протесты, Игорь, не дожидаясь счета, подложил под салфетницу несколько купюр, которые могли бы оплатить обед в парижском ресторане «У Максима». И покинул «Ретро», стараясь не ускорять шаг. На самом деле ему хотелось бежать отсюда без оглядки.

* * *

Марина, которой предстояло стать женой, а затем и вдовой Андрея Федорова, появилась на свет в эпоху цветущего застоя в семье крупного партработника Тимофея Ильича Рузавина. Ко времени женитьбы Рузавин был уже в солидных годах, а чтобы на свет появилось дитя законного брака, обоим супругам пришлось лечиться от бесплодия с применением передовой капиталистической медицины. И когда в семье Рузавиных появился ребенок, он стал центром вселенной...

Из малышки выросла привлекательная, капризная и престижная невеста - перестройка бросила хозяевам страны вызов, с которым Тимофей Ильич сумел справиться достойно. Из передряги, в которой отдельные его старые знакомые сложили бескомпромиссные головы, он вышел, увеличив свое влияние и отхватив изрядный кусок нефтяной промышленности.

Но первое время Марине в личной жизни не везло. Конечно, дело было не в том, что женихов не находилось. Наоборот, многие буквально напролом перли, стремясь заполучить в жены нефтяную принцессу. Но таких робкая Мариночка пугалась. Ей хотелось, чтобы все как-то само собой устроилось - по возможности, без лишних тревог и катаклизмов. Марина Рузавина с детства не терпела дискомфорта.

Это ее свойство быстро распознал молодой экономист Андрей Федоров, работавший на фирме ее отца. Конечно, он не был допущен в золотое общество. Андрей и Марина встретились случайно, когда она приехала в офис Рузавина. Но у провинциала был ряд преимуществ. Прежде всего, внешность: если, приближаясь к сорока и отпустив животик, Андрюха все еще источал яд привлекательности для всех встречных особ женского пола, то в двадцать семь он был настоящим черным херувимом. На первый взгляд, эдакий красивый надменный тип с великолепной темной шевелюрой и точеным профилем. А улыбнется – бездна обаяния, да еще ямочки на щеках! На его родине, в Озерске, лучшие девушки с ума сходили от этих ямочек. Неудивительно, что скромный клерк привлек внимание Марины.

Однако и внешность – не самое главное. Ушлый и дошлый, умевший распознавать человеческие слабости, Андрюха раскусил Марину: она любит, чтобы о ней заботились. До сих пор всю заботу дарили родители; будущему мужу надо сделать все, чтобы занять их место. И Андрюха из кожи вон лез. При новых встречах окружал наследницу сладкой ватой всяческих услуг. Он быстро сделался для нее всем: и слугой, и гидом, и теплой жилеткой, и одноразовым носовым платочком, и благородным рыцарем, но при этом не забывал и о роли романтического любовника.

Можно было, конечно, действовать грубее. Другой бы на его месте обрюхатил ту, что по всем параметрам ему не пара, чем вынудил богатеньких родителей обеспечить им счастливый брак. Но это – в теории. На практике Тимофей Ильич если бы не послал обожаемую доченьку на аборт, а уладил бы дело мирком-пирком да за свадебкой, то к прохиндею-зятю отношение было бы у него соответственное. Скорей всего, до управления своим куском нефтяной промышленности его не допустил бы. И позаботился о том, чтобы молодые как можно скорее развелись.

Но ловкий Андрюха не совершил такой ошибки. Он сумел понравиться, обаять не только Марину, но и ее пожилых родителей так, что Рузавины поверили: да, это он! Надежда и опора! Побеседовав несколько раз с будущим зятем, Тимофей Ильич пришел к благоприятным выводам относительно его ума и потенциала. Анну Владимировну Андрей подкупил обещанием не затягивать с внуками. Что касается Марины, она не знала, как без Андрея жить.

Такая сильная привязанность со стороны Марины, пока она была невестой, Андрея радовала, потому что означала реализацию его планов. Позже – начала

тяготить. Эта современная с виду, великолепно ухоженная женщина – просто мечта домостроевца: шагу не может ступить без мужа! Долгие годы Андрюха разрывался между работой (Тимофей Ильич все же передоверил целеустремленному и работоспособному зятю дела) и домом, где ждала его капризная и беспомощная супруга. Стоило Андрею ослабить заботу, Марина принималась плакать и говорить, что он ее разлюбил. Частенько рыдания Марины перетекали в приступы удушья. «Хронический бронхит с астматическим компонентом», – значилось в поликлинической карте. И хотя Андрей не слишком верил в астматический компонент, приступы его пугали.

«Видишь ли, Игоряха, – откровенничал иногда Андрей, – иногда думаю: сил моих нет, всю душу она из меня вытянула. Не знаю, люблю ли я ее... Но уйти не могу: замучает чувство вины. Вроде бы она, когда меня изводит, симулирует, но, с другой стороны, вроде как бы и не совсем симулирует. Я ведь чувствую: когда она задыхается, ей по-настоящему страшно и она по-настоящему не может это прекратить... Да и, кроме того, на кого я сына брошу? Кем она его вырастит?»

Стас, по счастью, получился не в мамочку. То ли сработали напористые провинциальные гены отца, то ли его воспитание, но мальчишка рос активным и сообразительным, был душой подростковых тусовок. Да, сентиментальный, да, эмоциональный, да, впечатлительный. Но все же парень, а не плакса-размазня. Может, повезло еще, что мать не мучила его чрезмерной опекой. Маринина заботливость простиралась только на саму Марину.

Когда Андрей позвонил, Игорь подумал, что его ждут очередные стоны по поводу трудностей семейной жизни, потому и постарался побыстрее прервать разговор. Если бы знать, что разговор – последний! Что Андрей готовится к самоубийству! Что он хотел сообщить другу? Что? – эта мысль прокручивалась в голове, пока Марина, к которой он напросился на следующий день после похорон, изливала на него море жалоб и претензий судьбе. Глядя на то, как вдова давно знакомым жестом прижимает руки к плосковатой груди, Игорь не мог не вспоминать приснившийся кошмар – и не представлять то, постаревшее, неестественное лицо из сна... «Это ему возмездие за то, что он связался с той девкой», – услышал Игорь ненависть в Маринином голосе, и на секунду ему стало до того противно, что он готов был подскочить, ударить кулаком по стеклянному столу – изготовленному на заказ дизайнерскому чуду, заорать изо всех сил. Но – сдержался. Еще не хватало ему Марининых приступов! Нет, надо выждать, когда иссякнут ее сетования. Только тогда он сможет задать вопросы, которые его интересуют.

– Марина, я, конечно, понимаю, как ты потрясена... Но, может, ты все-таки припомнишь: Андрей ни на что не жаловался?

– Жаловался? Ты же знаешь: из него вечно слова не вытянешь...

Ну да, этого следовало ожидать. Андрей жаловался кому угодно, только не своей дражайшей супруге.

– Как у него было со здоровьем?

– У Андрюши, – Марина снова поднесла платок к глазам, – всегда было прекрасное здоровье. Но если бы даже нашли какую-нибудь болезнь... он не сдался бы. Он поднял бы по тревоге всех врачей, но не стал бы... не стал бы из-за этого...

– Как у него шли дела в бизнесе?

– Отлично. Как всегда.

– Он не был в последнее время озабочен? Не говорил о конкурентах? Или что у него могут быть проблемы?

– Озабочен? Да, был. Но конкуренты тут ни при чем. Он говорил о сценарии...

Игорь вдруг ощутил собственное сердце. Совершив головокружительный прыжок, оно очутилось в горле – и все тело охватила слабость.

– Сценарии? Каком сценарии? О котором он писал в предсмертной записке?

Марина уставилась на него непонимающими глазами:

– Записка? Но Андрюша не оставил никакой записки!

– Значит, я что-то перепутал... Продолжай, Мариночка, продолжай. Так что за сценарий?

– Я сама не поняла. Буквально за два дня до... до этого... я думала, Андрюши нет дома... Я задремала среди дня, потом вечером проснулась, собралась позвать горничную, чтобы она сделала кофе со сливками... Горничной не было на месте. Я пошла эту лентяйку искать и случайно заглянула в гостиную. И увидела, что он там стоит... Представляешь, спиной к двери, на фоне окна! Стоит и смотрит на вечерний город. И разговаривает – сам с собой.

– Сам с собой? Ты уверена? Не по мобильнику?

– Нет, что ты, по телефону говорят совсем не так. Он будто рассуждал вслух. Грустно, протяжно, нараспев вроде бы. «Только так я могу изменить сценарий».

– Марина! Ты это точно помнишь?

– Как я могу этого не помнить? Я сразу же включила свет и спросила, что это значит. Он сказал, что я ослышалась... Но я не ослышалась. Последние ночи он беспокойно спал, ворочался. Разговаривал во сне – этого с ним в жизни не случилось. И снова повторял: «Сценарий, сценарий...»

Игорь почувствовал, что в голове у него не осталось ни одной здоровой мысли. Сплошной звенящий хаос, на дне которого шевелятся полуоформленные вопросы.

– Марина, как по-твоему, что это значит?

– Наверняка это как-то связано с его девкой! – В голосе Марины трубила победная правота женщины, которую только смерть мужа спасла от краха семейной жизни. – Ты не представляешь, какая она лицемерка! С виду тихонькая, скромненькая, а как ловко заставила Андрюшу под свою дудку плясать! Знаю я таких тихонь. Наверняка все расписала на годы вперед: и условия развода, и как часто видеться со Стасом, и... не знаю... Ничего удивительного, что для Андрюши повеситься было единственным способом вырваться из ее сценария...

Версия ревнивой Марины показалась Игорю полнейшим бредом: если кто и похож на лицемерку, заставляющую людей плясать под свою дудку, то это, во всяком случае, не Дуня. Однако и таким мнением не стоило пренебрегать. Он непременно должен пообщаться с Дуней. Возможно, ей известно больше, чем

Марине. Но как ее найти теперь? Эх, дурак, надо было подойти к ней прямо на похоронах! Почему он этого не сделал? Ведь любопытно ж ему было: на кого променял Марину покойный друг? Но – не подошел, следил издали... Придурок! Пойдите! С Дуней разговаривал Володя. Значит, он с ней знаком?

* * *

Утро для Инны Гаренковой было заполнено хлопотами. Это раньше, в условиях небогатой жизни, Инна сама подавала на стол завтрак для троих. Теперь все было по-другому. Огромный дом требовал огромных забот. Кормить нужно не только семью, но и прислугу, охрану. А значит – заказать продукты на всех, продумать меню на день, отдать распоряжения по уборке, стирке, химчистке... И плюс еще куча всяких дел, и по дому, и по участку. Весна на дворе, надо сад в порядок приводить.

Конечно, заниматься этим с раннего утра не было никакой необходимости. Никто не заставлял Инну подниматься, не выспавшись, ни свет ни заря. Но ей самой и в голову не приходило, что она не обязана вставать раньше мужа и дочки. Как будто, если она позволит себе хоть разок понежиться в постели в течение дня, это войдет в обыкновение, станет единственным выходом: спать, спать, не просыпаться... Признак полной капитуляции. Капитуляции в борьбе с богатством, которого она вместе с мужем так желала.

В свое время, после историко-архивного, она пошла преподавать историю в школу. Это считалось не самым лучшим вариантом: работа в музее, научном институте или даже архивах котировалась у выпускников куда больше. Но Инну привлекала именно педагогическая работа. Ей хотелось не глотать вековую пыль в окружении чопорных старух, а говорить о том, что ей нравилось, делиться знаниями, видеть заинтересованные лица учеников. Ведь это так здорово, когда учитель любит свой предмет и умеет увлечь им ребят!

Как давно, кажется, это было: подъем в половине седьмого, контрастный душ, наскоро накормить всех завтраком, намазаться-накраситься – и бегом в школу! Холодный предрассветный мрак, чуть разжиженный фонарями, от которого слипаются все еще сонные глаза. Битком набитый автобус, где невозможно поднять руку, чтобы передать деньги на билет. Метро, где плывешь в человеческом потоке, чувствуя себя неодушевленной каплей, частью общего стада. В школе – потрескивание ламп дневного света, тусклый желтый

линолеум, запах хлорки из туалета и скучной еды из столовой. Ученики...

Когда дочь подросла, появился типичный для учителей «трудный» вопрос: куда отдать ребенка учиться? К себе Инна не решилась, да и далековато... Алина пошла в школу рядом с домом, где были такие же линолеумные полы, типичное давление на мозги учеников и обязанность быть как все, не выделяться. И там на родительских собраниях уже Инна была не учительницей, а трудной мамой трудной дочки и лезла из кожи вон, убеждая учителей, что начитанность и открытое высказывание не совпадающих с учебником мыслей – не порок, и понимала, что доказать ничего не сможет, как не смогла бы доказать аналогичные утверждения в своей школе.

Израненная школьным маразмом, Инна подползала вечером к мужу, измотанному диким бизнесом, и, поделившись накопленным за день раздражением, супруги Гаренковы утихомиривались, обнимались и начинали мечтать. О том, когда фирма Игоря наконец-то займет ведущие позиции. Когда Алину отдадут в платную гимназию, где будут бережно относиться к ее индивидуальности. Когда Инна сможет позволить себе не работать, а сидеть дома, покупать и читать какие захочет книги, следить за собой, встречать мужа с работы всегда свежая и отдохнувшая, готовая к радостям любви. Когда они объедут втроем весь мир или, по крайней мере, всю Западную Европу, увидят собственными глазами все те достопримечательности, о которых Инна была обречена всего-навсего рассказывать своим ученикам.

И вот ожидаемое материальное благополучие наконец настало. Алину отдали в гимназию с гуманитарным уклоном, где она заслуженно превратилась в звезду литературных конкурсов и самодеятельного театра. Побывали в Греции, Франции, Италии, Англии, Испании... Что касается работы, Инна, противореча самой себе, довольно долго продолжала тянуть лямку школьной каторги. Но в конце концов ее дожали – с двух сторон. Игорь, который постоянно нудил, что жена человека его уровня не имеет права выкладываться за жалкие гроши. И учительницы, которые поджимали губы, видя, как она подъезжает к школьному подъезду на новеньком «Вольво» с шофером (водить машину Инна так и не научилась), обсуждали за спиной ее одежду и украшения. Один только математик постоянно вступался за Инну, умел насмешкой заставить замолчать этих клуш – и она с запоздалой благодарностью разглядела в этом сморщенном, с нездоровым цветом кожи, человеку неубитый здравый смысл и полное отсутствие зависти. Но чтобы удержать ее в школе, одного математика было мало... «Хватит! – в один прекрасный день провозгласила Инна. – Попили моей

кровушки! Отныне живу, как хочу!»

Однако вскоре выяснилось, что «живу, как хочу» – несбыточная формула. Что мечты редко совпадают с действительностью. И что, самое главное, когда человек получает возможность «жить, как хочет», он перестает понимать: чего же он, собственно, хочет?

Пятикомнатная квартира в центре Москвы, в построенном для партийной элиты доме, а затем – вожделенный загородный особняк. Комфорт? Полнейший. Распорядок дня? Свободнейший. Книги? Только заказать, принесут на дом. Театральных билетов то же самое касается. Стирка-глажка-готовка давно уже не отягощают быт, все делается чужими руками. Короче, живи да радуйся!

А Инне не живется. Некуда ей себя приткнуть в этом изнурительном благополучии. И хотя Игорь постоянно твердит, что она незаменима при неофициальных встречах и презентациях, что умная красивая жена повышает престиж мужа, что быть женой бизнесмена такого ранга – важная и ответственная работа, Инна этого не в состоянии как следует осознать. Вернее, она осознает, что на этом пустом месте – «жена крупного бизнесмена» – могла быть другая женщина. Кто угодно. Может, другая лучше справилась бы. Инна не чувствует себя здесь незаменимой.

А там, в школе, чувствовала... Как давно, кажется, это было: в пятом классе – Пунические войны, в шестом – голландское национально-освободительное движение против испанского господства, в девятом – народовольцы... Скучища, казалось бы, изо дня в день, из года в год повторять одно и то же? Но Инна как раз любила побаловать себя и учеников разнообразием. Выработав для себя некоторые основные положения – канву урока, она плела по этой канве затейливые узоры с привлечением примеров из художественной литературы, сохранившихся в мемуарах курьезов и других мелочей, составлявших для нее ткань и дыхание истории. А история увлекала ее с детских лет, когда она бродила по старой Москве, упоенно открывала для себя новые и новые извилистые переулки, разглядывала украшенные лепной геральдикой дома, фантазируя о тех, кто их строил, и тех, кто в них жил... Инна, пока работала, ни разу не пожалела о выбранной профессии. Ученики это улавливали и платили ей и ее предмету любовью.

Да, надо признать: Инна оставила любимую работу. И ради чего? Ответ напрашивается: ради семьи. Но насколько он верен? Алина в ней уже не

слишком нуждается: она в том возрасте, когда авторитетами становятся подружки и парни, а мама оттеснена на второй план. Тогда Игорь? Но Игорь, несмотря на вечные заклинания относительно важной роли «жены крупного бизнесмена», здорово к ней охладел. Может, охладел уже давно, но она обратила на это внимание только сейчас, потому что раньше была слишком занята? Инна сделала ошеломляющее открытие: муж ей изменяет! Она стала находить незначительные, но весомые для нее доказательства: галстук, завязанный не так, как она с утра завязала, запах чужих духов на рубашке, новое нижнее белье... «Иннуся, у тебя паранойя!» – насмехался над ней Игорь. Чтобы не выставлять себя параноиком, Инна принялась за выслеживание блудного супруга всерьез, со всем энтузиазмом женщины, не знающей, куда девать время, и всем пылом начинающего детектива. И ее старания увенчались успехом, но не доставили ни малейшего удовольствия. Нет, в самом деле! Не доставило ей удовольствия ни поведение Игоря, который, торопливо приводя дрожащими пальцами в порядок свой костюм, пытался оправдываться, бормоча противоположные вещи: то «ты все не так поняла», то «для мужчины однократный секс ничего не значит»... Ни – тем более – вид разлучницы, которая стояла посреди Игорева кабинета, совершенно убитая разоблачением, прикрывая крошечным кружевным лифчиком прыщички юных грудей. Девушке, которая работала у Игоря в главном офисе, было девятнадцать лет, но тоненькая полуобнаженная фигурка и отчаянный взгляд полных стыда и ужаса глаз делали ее еще моложе... почти Алининой ровесницей. Инне на миг вообразилось страшное: ее бесценная, чистая девочка – в объятиях сластолюбивого козлицы, годящегося ей в отцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/oleg-roy/scenariy-sobstvennyh-oshibok>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)